

ВАЛЕРИЙ ЮЛЬЕВИЧ ГЕССЕН

кандидат экономических наук (Санкт-Петербург)
Тел. (812)382-62-70; E-mail: gessen27@mail.ru

В статье на основе архивных и литературных данных, а также воспоминаний родных и современников описана научная жизнь, административная и преподавательская деятельность профессора А.А. Вознесенского. Особое внимание уделено событиям, связанным с его арестом, допросами и расстрелом. Рассмотрены репрессии в отношении его родных и близких, а также других преподавателей политико-экономического факультета Ленинградского университета.

Ключевые слова: А.А. Вознесенский, декан, ректор, министр, политическая экономия, университет, преподавание, книга, статья, троцкизм, «Ленинградское дело», арест, допрос, карцер, концлагерь, реабилитация.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ВОЗНЕСЕНСКИЙ: РЕКТОР, ПЕДАГОГ И МУЧЕНИК*

6. Лишение А.А. Вознесенского поста министра, арест и гибель

А.А. Вознесенский, как мог, противился своему назначению на пост министра просвещения РСФСР. Его сын писал, что между братьями была договоренность: Николай Алексеевич будет в Москве, а Александр Алексеевич – в Ленинграде. На неоднократные предложения занять какой-либо пост в Москве он отвечал отказом. Если вопреки его желанию дело доходило до попытки назначения, то Николай Алексеевич каждый раз, как кандидат, а потом и член Политбюро, писал на опросном листке – «Возражаю». И тогда рассмотрение этого вопроса прекращалось. Такой механизм действовал до тех пор, пока А.А. Жданов и Кузнецов не согласовали со Сталиным назначение А.А. Вознесенского на пост министра образования РСФСР. И тут не подействовала даже надпись «Категорически против» на опросном листке со стороны Николая Алексеевича¹. Сегодня трудно понять, зачем это было им нужно. А ведь зачем-то было, иначе бы они не лезли за согласием к «корифею». Для них это явно было частью какой-то многоходовой комбинации. А может быть, это результат чьей-то предательской подсазки с целью теснее связать их всех в один узел? Но то, что они в конечном счете проиграли от этого, так это однозначно.

Так или иначе, заняв этот пост, А.А. Вознесенский активно включился в работу. Этому предшествовал приказ заместителя министра высшего образования СССР А.В. Топчиева об освобождении его от должности заведующего кафедрой политической экономии ЛГУ с 1 марта 1948 г. «в связи с переходом на другую работу»². Затем был приказ А.В. Топчиева в связи с назначением А.А. Вознесенского министром просвещения РСФСР освободить его от должности ректора ЛГУ с 9 июня 1948 г., назначить и.о. ректора проф. Н.А. Долинина³. Интересно, что сразу после этого были направлены из ЛГУ в горком партии отчеты кафедры политической экономии за 1947/1948 г.⁴ Может быть, А.А. Вознесенский ранее возражал против предложенной им редакции?

5 марта 1948 г. в актовом зале состоялось открытое заседание ученого совета ЛГУ, посвященное 50-летию А.А. Вознесенского и 25-летию его научной и педагогической деятельности, на которое он приехал из Москвы. С докладом о его жизни и деятельности выступил декан политико-экономического факультета В.В. Рейхардт. Он подчеркнул, что до последнего времени пребывания в университете, несмотря на большую загрузку, А.А. Вознесенский оставался заведующим кафедрой политической экономии. Выступавшие сожалели о его уходе. Были преподнесены адреса и подарки. А.А. Вознесенский поблагодарил всех за высокую оценку его труда, призвал всех не покладая рук работать на благо великой Родины. На этом заседании юбиляр единогласно был избран почетным членом ученого совета ЛГУ⁵. В марте 1949 г. в ЛГУ состоялся торжественный акт по поводу 130-й его годовщины. По этому поводу было получено поздравление от А.А. Возне-

сенского⁶. И это было последнее его упоминание в печати университета в положительном смысле.

И вот что удивительно: в апреле месяце 1948 г., когда, казалось, А.А. Вознесенский был вознесен, что называется, на самый верх служебной лестницы, появилась статья, посвященная сборнику «Ленинградский университет за советские годы. 1917–1947». Статья без подписи, разгромная. И это несмотря на то, что выпущен сборник был с участием А.А. Вознесенского – во всяком случае, так написано в нем, хотя в статье он не упомянут. И заканчивалась она так: «Издательство Ленинградского университета совершило ошибку, выпустив эту недоброкачественную, вредную книгу, которая может только дезориентировать советского читателя. Но еще большую ошибку совершил авторский коллектив, работавший над составлением сборника и давший ложную, извращенную историю одного из передовых и крупнейших вузов нашей страны»⁷. А вслед за этим появилось постановление парткома ЛГУ по этому вопросу. Указывалось, что сборник фальсифицирует историю университета, ставит на одну доску прогрессивных ученых и реакционеров типа Туган-Барановского, Лосского, Веселовского и др. Не показано значение Октябрьской революции для науки, борьбы марксистов за ее укрепление. «Особенно в недопустимых хвalebных тонах описывается деятельность ученых-востоковедов, как в дореволюционное, так и в советское время (автор очерка профессор В.М. Штейн)... Партийный комитет привлек к партийной ответственности коммунистов, виновных в выпуске этой политически ошибочной книги»⁸. Заметим, что здесь содержалась и критика В.В. Рейхардта – декана политико-экономического факультета, как одного из авторов очерков.

К тому времени, когда А.А. Вознесенский занял пост министра, в ЦК ВКП(б) сложилось резко отрицательное отношение к деятельности Академии педагогических наук, которую возглавлял Иван Андреевич Каиров (1899–1978). А.А. Вознесенскому предложили одновременно стать ее президентом. Но он отказался, однако заявил, что может тому помочь наладить дело. Обещание свое он выполнил. Когда его самого освободили от поста министра, то на его место назначили И.А. Каирова, который благодарил его за помощь. После этого Лев Вознесенский спросил отца, долго ли, по его мнению, продержится на новом посту И.А. Каиров. Отец ответил, что долго, так как он безынициативен, никогда не выдвигает новых идей. А видимо, только такие люди там нужны. Так и получилось.

28 мая 1949 г. в Ленинграде был арестован В.В. Рейхардт. И тогда Клавдия Николаевна Мироненко – бывшая вторая жена Александровича Алексеевича – поехала к нему в Москву, видимо имея в виду просить его что-то сделать для его защиты, вероятно по просьбе его жены. Но вместо обещания о защите А.А. Вознесенский, здраво оценив обстановку, ответил ей: «Это конец».

За несколько дней до снятия с министерской должности А.А. Вознесенского вызвал Г.М. Маленков. Ничего не объясняя, сказал, что ему надо с этой должности уйти, «дело у него дальше не пойдет». Александр Алексеевич заинтересовался причинами такого решения. Маленков

* Окончание, начало в «Клио» № 1 (73). 2013.

утверждал, что конкретных причин, действительно, нет. Но как коммунист он должен помочь ЦК и самому сообщить о них. Получив такое задание, Вознесенские – отец с сыном Львом – долго трудились над его выполнением, с трудом набрали причины в количестве шести штук: недостаточный контакт с коллективом, неисполнение каких-то высочайших указаний и т.д. Потом эти причины без всяких исправлений фигурировали в документах о снятии А.А. Вознесенского с должности в виде обоснования.

ЦК ВКП(б) устроил заседание коллегии Министерства просвещения, на котором руководящую роль играли: Н.А. Михайлов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, и Дубровина, заведующая сектором школ в аппарате ЦК. У А.А. Вознесенского с ними до этого были многочисленные столкновения в связи с тем, что они бесцеремонно вмешивались в деятельность министерства с различными советами не к месту, необоснованными требованиями. И теперь им поручили обеспечить принятие решения коллегии с обвинением в адрес А.А. Вознесенского уже как бы от имени коллектива. Однако, к удивлению этих лиц, выступавшие сотрудники министерства в основном положительно отзывались о министре. С трудом Михайлову удавалось из них выдавить что-либо критическое. В конце концов что-то отрицательное по отношению к министру для постановления коллегии все же было найдено. По этому поводу Александр Алексеевич потом говорил сыну, что ему приятно было видеть достойное поведение большинства сотрудников, услышать благоприятные мнения о нем. А формально освобождение от работы А.А. Вознесенского было оформлено постановлением Политбюро 12 июля 1949 г. За эту услужливость Михайлов потом стал секретарем ЦК ВКП(б), а Дубровина – заместителем министра просвещения РСФСР.

И все это несмотря на то, что за время пребывания А.А. Вознесенского на этой должности многое было сделано в области совершенствования образования, были решены многие давно назревшие вопросы, намечены мероприятия на будущее, в частности, по его политехнизации. Уже были сделаны первые шаги к ликвидации раздельного обучения мальчиков и девочек, введенного во время войны⁹. Затем 15 июля 1949 г. на основе указанного постановления был опубликован соответствующий указ ПВС СССР, потом постановление Совета министров РСФСР. 20 июля 1949 г. министр госбезопасности Б.В. Абакумов представил Сталину подробную справку на А.А. Вознесенского № 5683/А. Как писал Лев Вознесенский, «вряд ли у кого-либо возникнут сомнения в том, какого характера она была»¹⁰.

После освобождения от должности домой к Александру Алексеевичу позвонил К.Е. Ворошилов, тепло поговорил, предложил обратиться к нему, если потребуется помощь. Но через короткое время, когда А.А. Вознесенский позвонил ему, попросил о встрече, тот сказал, что им встречаться не обязательно, просьбы он готов выслушать и по телефону. Разумеется, ничего Александр Алексеевич существенного говорить не стал. Так что Ворошилов вовремя переориентировался, что-то разузнав, немедленно решил быть подалее от Вознесенских¹¹.

Лев Вознесенский утверждал, что его отец никогда не ставил Сталина вровень с Лениным, никаких восторгов он у него не вызывал. «Вместе с тем как опытный политик отец понимал, что судьба всего народа, в том числе и его самого, прямо или косвенно подчинена капризу, воле, решениям Сталина, перед которыми бессильны и факты, и логика, и закон. Так, незадолго до ареста, объясняя ему цели и методы деятельности Бериин. Маленкова и Кагановича по дискредитации его брата Николая Алексеевича, сказал: "Нас всех могут физически уничтожить. Единственная, хотя и слабая надежда – на прямое вмешательство Сталина. Но что бы со мной не случилось, знай всегда – перед партией и государством я не виновен ни на йоту"». Он говорил, что все лекции надо было заканчивать именем Сталина, что автоматически обеспечивало аплодисменты. Однако за всю жизнь он только раз, в совершенно безвыходной ситуации – тема обязывала, позволил себе закончить лекцию таким тогда традиционным образом¹².

И, вне сомнения, подобное отношение к вождю не осталось незамеченным.

Его третья, хотя и нерасписанная, жена Е.М. Косачевская вспоминала, что когда они ездили с А.А. Вознесенским отдыхать в Сочи и в Гагры, он брал с собой чемодан книг, в основном художественную литературу. Утром и вечером купался, но никогда не загорал, уходил в санаторий и читал. В эти августовские дни 1949 г. – примерно за 10 дней до ареста, он целыми днями находился на беседах, похожих на допросы, которые проводили Маленков, Михайлов, кажется, и Шепилов. Старались к чему-нибудь придраться. Так, к примеру, фигурировали затраты на ремонт детских домов, как якобы использованные не на эту цель. Но все в конце концов оказывалось в порядке. Придраться было не к чему, и это названных лиц немало раздражало. А.А. Вознесенский после таких «бесед» приезжал домой или на государственную дачу в Кунцево к четверем часам утра. Настроение у него было «убийственным». Е.М. Косачевская как могла, утешала его. Говорила ему: «Что ты унываешь. Ну, снимут тебя с работы, исключат из партии. Мы уедем в Сибирь. Будем преподавать в школе – я историю, ты литературу».

Но вот власти предложили ему поехать в Сочи, отдохнуть некоторое время. Казалось, что подозрения рассеялись, что стала очевидной лживость чьих-то наветов. 17 августа Евдокия Марковна проводила его, перед расставанием, следя за приметой, они обменялись расческами, и... больше уже никогда не встретились. На следующий день он звонил ей в Москву, сказал о себе. Был арестован 19 августа 1949 г., в санатории на горе Ахун, во время своего вынужденного отдыха. На момент ареста он считался неработающим, постоянно проживавшим в Москве на улице Серафимовича, 2 (Дом правительства), квартира 195. Она была четырехкомнатной, мебель в основном казенная. Большая библиотека: целая стена полок с книгами и еще четыре ящика, которые так и не были распакованы. Е.М. Косачевская потом писала, что среди них были редчайшие издания, называла книжку китайского экономиста XI века. Обыск московской квартиры начался 19 августа в 12 часов дня и продолжался сутки, изымали деньги и облигации. Одновременно проводили обыск на даче в Кунцево. Три комнаты опечатали, одну оставили детям Льву и Эрнесту. Из записок Е.М. Косачевской можно понять, что она также собиралась ехать в Сочи, уже получила отпуск на работе¹³. В списке изъятых указывалось: один костюм, один брюки и далее все больше по одному, рубашек 10, галстуков 15, книг 1500. В последнюю поездку на юг А.А. Вознесенский взял с собой четыре книги.

Во время обыска московской квартиры А.А. Вознесенского дома находился сын Эрнест. И его следователи спрашивали: где золото, где машина, где деньги. Оказалось, что есть только книги. Удивлялись, что ничего ценного нет, а деньги обнаружили только в виде остатка от зарплаты. Говорили, что совсем не так было при аресте министра лесной промышленности: добра навалом. Лев Александрович отмечал, что отец получал зарплату за республиканского министра просвещения, но фактически выполнял функции союзного министра, так как такой должности не было. Зная это, Сталин в какую-то благоприятную для него минуту или же в порядке провокации однажды предложил ему повышение зарплаты до уровня союзных министров. Но он отказался. Так что после ее деления между семьями (часть бабушке, часть детям в Ленинград) дома денег оставалось весьма немного, что и вызвало удивление проводивших обыск. Лев Александрович утверждал, что отец категорически запретил привозить к нему домой что-либо из министерства: «Чтоб ни одного гвоздя!» – говорил он помощникам. В этих вопросах он был крайне щепетилен, боялся обвинений в каких-либо поступках с корыстной целью. Зато был щедр в заботе о других. И когда близкий ему человек стал его умолять не пытаться спасти арестованную сестру Марию Алексеевну («Что ты делаешь? Ты же каждую ночь ждешь ареста!»), то он отвечал: «Ты что, не понимаешь: мне легче умереть, чем чувствовать себя подлецом!»¹⁴

С 30 августа 1949 г. начались интенсивные допросы А.А. Вознесенского в Лефортовской тюрьме. Они начинались со стандартных вопросов, в которых как бы уже содержалось предложение оговорить себя, типа: «Вы арестованы за проведение вражеской антисоветской деятельности, за борьбу против партии и советского государства. Следствие предлагает вам дать подробные показания о совершенных вами преступлениях». И все в таком же духе, хотя обвиняемый, конечно, отрицал это¹⁵. В заранее подготовленных протоколах допросов в уста арестованных вкладывались такие штампы и ярлыки, которыми ни один человек, действительно не совершавший преступлений, говорить о себе не может. Лев Вознесенский писал, что с закрытыми материалами о методике допросов и применяемых психических и физических пытках ознакомиться не удалось. Однако следователями использовался весь их набор. Обобщенный протокол допросов А.А. Вознесенского был представлен Сталину 26 декабря 1949 г. На этом, как считалось, закончилось формирование его следственного дела¹⁶. Но допросы продолжались, как и отказы подследственного дать нужные следователям показания.

В течение почти 14-ти месяцев, пока до своей гибели он находился в тюрьме, а сыновья Лев и Эрнест оставались на свободе, на их домашний адрес приходили письма к нему как к депутату Верховного Совета Союза ССР 2-го созыва с марта 1946 г. Их приносили из государственного аппарата, не зная, куда девать. В них содержались благодарности многих людей за помощь в разных вопросах. В том числе и от тех, кто его усилиями освободился из тюрьмы, из ссылки. А в это время их благотворитель подвергался пыткам¹⁷.

Приговорен был А.А. Вознесенский решением ВКВС СССР 27 октября 1950 г. к расстрелу. Обвинялся в измене Родине, участии в контрреволюционных организациях, антисоветской агитации. В более расширенном виде обвинялся в следующем: 1. В 1917 г. установил связь с «народными социалистами». 2. Неприязненно встретил Октябрьскую революцию. 3. Голосовал за меньшевистский список при выборах в Учредительное собрание. 4. Имел антисоветскую связь со своей женой Судаковой и на протяжении долгих лет скрывал ее вражескую деятельность. 5. Составлял и издавал вредные работы, в которых извращал марксистско-ленинскую науку. 6. Являясь ректором ЛГУ, группировал в нем врагов партии – троцкистов, зиновьевцев и других антисоветски настроенных лиц из числа профессорско-преподавательского состава. 7. Будучи министром просвещения РСФСР, продолжал поддерживать связь с врагами советской власти, пригетыми им в ЛГУ, оказывал им всяческую поддержку и помощь в сокрытии своих преступлений.

Имеются сведения о том, что во время допросов А.А. Вознесенского не раз спрашивали о его отношениях с Б.Д. Кофманом (1879–?). Говорил, что он с ним готовил учебник политической экономии. Обвиняли в том, что он не разоблачил его как врага советской власти, скрывал его меньшевистские взгляды¹⁸. В решении по данному следственному делу было указано, что А.А. Вознесенский изблечен в преступлениях показаниями А.А. Кузнецова, П.С. Попкова, В.В. Рейхардта, других арестованных, а также документами.

Следователь А.И. Кузнецов, который в 1960-х гг. вел расследование дел репрессированных, говорил Л.А. Вознесенскому, что во время допросов пытали всех. Но наиболее тяжким пыткам подвергли А.А. Вознесенского и В.Э. Мейерхольда. Целью следователей тогда было создать вокруг А.А. Вознесенского дополнительные дела по людям из ЛГУ и Министерства просвещения, по Общеславянскому комитету, по ряду других организаций. Или хотя бы как можно теснее включить его в «Ленинградское дело». «И если бы я рассказал Вам о том, что пришлось пережить Вашему отцу, Вы бы сошли с ума. Так что об этом даже не пытайтесь меня расспрашивать»¹⁹. А.И. Кузнецов также говорил, что А.А. Вознесенский во время допросов не запянул ни одного человека, спас многих от гибели, не позволил создать нового громкого следственного процесса. Но, конечно, это не избавило от репрессий

многих его родственников и знакомых, хотя, может быть, и не в столь тяжком виде, как это могло бы быть²⁰.

Этот следователь говорил Льву и Эрнесту Вознесенским, что «братья и сестра Вознесенские больше года держались во время следствия настолько упорно, в смысле того, что не признавали себя виновными, что Сталин в конце концов послал в Лефортово комиссию в составе Берии, Маленкова и Булганина с целью выяснить это. И тогда к ним привели из карцера Вашего отца, в котором он в очередной раз находился. Кстати, вот папка, в которой подшиты квитанции (или корешки от них) на вывод его из камеры. Их более 90. Подобные папки имеются у всех арестованных. Но они в несколько раз тоньше. А ведь за каждой из этих 90 бумажек допрос, избияния, пытки, карцер. Когда А.А. Вознесенского привели на указанный допрос, то после всего перенесенного он уже почти ослеп (а зрение его было отменное. – Л.В.). И в слабо освещенной одним торшером комнате, разглядев только стоявшего за креслом Булганина в маршальском мундире, воскликнул: «Какое счастье, что вы пришли товарищ Булганин! Наконец-то товарищ Сталин узнает правду!» – «Тамбовский волк тебе товарищ!» – ответил Булганин. А из затененных углов комнаты раздался дружный хохот сидевших там Берии и Маленкова. Булганин же, выйдя из-за кресла, ударом ноги сбил А.А. Вознесенского на пол, стал топтать его своими маршальскими сапогами. Затем эта троица допросила его. Он отверг все обвинения. Но они все равно написали следующую записку: «Товарищ Сталин! По Вашему указанию Вознесенского А.А. допросили и считаем, что он виновен. Маленков, Берия, Булганин»». Следователь А.И. Кузнецов утверждал, что фактически на основании этой записки он и был расстрелян²¹. Но это, конечно, не так. Можно полагать, что это посещение Александра Алексеевича руководителями высокого ранга было в конце октября – начале ноября 1949 г. И привело оно не к окончанию следствия, а к его ужесточению. После этого обстановка в тюрьме стала еще более тяжелой для подследственных. К каждому арестованному приставили по два следователя (один уставал, другой его выбивал), допросы, как правило, стали продолжаться до 4-х часов утра. О более жесткой обстановке свидетельствует и то, что еще под протоколом от 25 ноября 1949 г. подпись А.А. Вознесенского более или менее нормальная. А через месяц – 26 декабря – подпись как бы другого человека, который еле удерживал перо. Скорее она похожа на отдельные точки, с трудом образующие контуры той или иной буквы. Нет сомнения в том, что это был месяц пребывания в ледяном карцере, особо изнуряющих пыток, после которых он был вынужден подписать заранее составленный протокол без всяких оговорок²².

Несмотря на такое совершенствование организации «труда» следователей, они вырвали у Александра Алексеевича подпись под признанием его «вины» только 13 марта 1950 г., т.е. без малого через семь месяцев от начала допросов, избияний и карцеров. Однако по другим данным, он первый раз подписал протокол допроса с обвинениями 19 мая. Лев Александрович Вознесенский утверждал, что как бы мужественно ни держались те или иные арестованные в чудовищной ситуации сталинского «следствия», они в конце концов были вынуждены подписывать какие-то признания. Кто-то больше не мог вытерпеть пыток, кого-то затягивали в сети добытых (лучше сказать выбитых) показаний других лиц, кому-то обещали (чаще всего ложно) не трогать родных и близких, кого-то затягивали в ловушку чистосердечного признания перед партией²³.

О связях с А.А. Вознесенским следователи допрашивали многих лиц, арестованных по «Ленинградскому делу», особенно, конечно, преподавателей ЛГУ. Так, например, у арестованного К.М. Варшавского выпытывали об их контактах. Он утверждал, что они были строго в служебном порядке, ничего личного не было. О его связях с троцкистами в 1920-х гг. он ничего не слышал. Впервые К.М. Варшавский обратился к нему по телефону с просьбой ускорить прием на работу на политико-экономический факультет. Видимо, этот звонок позволил убыстрить поступление.

Встречался он с ним на заседаниях кафедры политической экономии, на научных конференциях. О действительном прошлом К.М. Варшавского А.А. Вознесенский ничего не знал, видел только его анкету. В защите диссертации Александр Алексеевич ему никак не помогал, только подписал решение по этому поводу ученого совета ЛГУ. Обращался к нему с тремя просьбами, из которых он удовлетворил одну: дал разрешение на командировку в Москву в Госплан СССР за материалами для курса «Народно-хозяйственное планирование». Отказал в просьбе напечатать в издательстве ЛГУ книгу одного из ведущих экономистов Госплана СССР, так как она печатает только произведения своих сотрудников. Не удовлетворил просьбу о переводе К.М. Варшавского в НИИ ЭФП при ЛГУ в связи с его увольнением из университета: видимо, не решился конфликтовать с парторганизацией, на основе решения которой это было произведено, хотя сам же и принимал его на работу²⁴.

Саул Давидович Зак особо подчеркивал, что при допросах следователи из него пытались «выбить» в буквальном и переносном смысле компромат на А.А. Вознесенского. Но он на все вопросы отвечал, что ничего антисоветского от него никогда не слышал, против линии партии он никогда не выступал. Так что следователям по этой теме нечего было записать в протокол²⁵.

25 сентября 1950 г. А.А. Вознесенскому был предъявлен документ об окончании следствия, о составлении обвинительного заключения. При этом к ранее указанным пунктам обвинения (58-1 и 58-11 УК РСФСР) приписали статью 58-10, ч. 2. Правда, в УК разделения этой статьи не было. После этого была составлена «Справка»: «Вознесенский А.А. арестован 19 августа 1949 г. и содержится под стражей в Лефортовской тюрьме МГБ СССР. Вещественных доказательств по делу нет. Свидетелей, подлежащих вызову в суд, нет. Пом. нач. Следчасти по особо важным делам МГБ СССР Сорокин».

Л.А. Вознесенский писал: «Наверное, десятки раз за последние годы читал я протокол заседания, где игралась сцена рассмотрения обвинений в адрес отца. И скажу прямо, даже за этим текстом стоит в невероятных условиях сохранивший свое достоинство человек, духовно не сломленный, до конца борющийся не только за жизнь, но и за свое доброе имя, за справедливость. Удивительно, но те же самые актеры-судьи вели себя, в отличие от процесса в Ленинграде [над Николаем Алексеевичем Вознесенским], вполне корректно, даже как-то уважительно. Вероятно, потому, что там они должны были играть свою роль для публики, а здесь такой необходимости не было»²⁶. Один раз в ходе судебного заседания, когда Александр Алексеевич заявил, что вопреки утверждению следователя, он ни в 1917 г., ни в дальнейшем никакого отношения к социалистам не имел, председатель Матулевич привел некую цитату из протокола допроса подсудимого. Произошел такой диалог:

«Подсудимый. Это не моя формулировка. Я только написал протокол допроса от 26 декабря 1949 г. В действительности было так, как я уже говорил суду выше.

Председательствующий. Из материалов дела видно, что некоторые формулировки, с которыми вы были не согласны, вы оговаривали и собственноручно вносили исправления. Здесь же никаких исправлений вами сделано не было.

Подсудимый. Верно, в некоторых протоколах допроса я вносил исправления, но только не в протоколе 26 декабря 1949 г. О причинах подписания этого протокола я не хочу говорить суду Военной коллегии».

Напомним, что это было после месяца особо изощренных пыток, пребывания в чудовищных условиях карцера²⁷. Далее председательствующий спросил: «Кто вас выдвинул на должность министра просвещения РСФСР?» А.А. Вознесенский ответил: «Я не знаю. О назначении меня имел разговор с А.А. Ждановым. Следователь сказал мне, что без секретаря ЦК ВКП(б) по кадрам [намек на Кузнецова] на такие должности не выдвигаются. Я согласился с ним, а при подписании протокола был в таком состоянии, что не мог осмыслить формулировки»²⁸.

Виновным себя А.А. Вознесенский признал только частично, только в том, что, «будучи ректором ЛГУ санкцио-

нировал прием на профессорско-преподавательскую работу нескольких лиц без специальной проверки» и «поддерживал связь со своей бывшей женой». «Больше я ни в чем себя виновным не признаю». Из последнего его слова: «Никаких группировок я не поддерживал и к ним не примыкал. Вреда партии умышленно я никогда не причинил. Я 32 года честно и искренне служил коммунистической партии. В течение 25 лет я непрерывно вел пропагандистскую работу. Я прочел более пяти тысяч лекций для студентов, более тысячи для рабочих и служащих. Я все время вел большую воспитательно-политическую работу. Прошу все это учесть при вынесении приговора». Суд и учел это, объявив ему со всеми прежними обвинениями приговор, возможность которого он предвидел заранее, – расстрел. По официальным данным, он был осужден ВКВС СССР 27 октября 1950 г. по ст. 58-1 «а», 58-7 и 58-11 УК РСФСР²⁹.

Заметим, что такую же процедуру, с тем же результатом осуществил этот «суд» и в отношении его сестры Марии Алексеевны Вознесенской. Председатель суда Матулевич распорядился о немедленном исполнении этих приговоров, что и было осуществлено, как и четыре недели до этого в Ленинграде в отношении Николая Алексеевича Вознесенского. И, надо полагать, Александра Алексеевича и Марию Алексеевну Вознесенских расстреляли вместе по общему для них «наряду» 28 октября 1950 г. в два часа ночи³⁰.

Обо всем этом свидетельствует следующий документ: «Сов. Секретно. Военная Коллегия Верховного суда Союза ССР. 27 октября 1950 г. № 0018383. Москва, ул. 25 Октября, 23. Начальнику отдела «А» МГБ СССР генерал-майору тов. Герцовскому. Прошу дать указание команданту МГБ СССР о немедленном приведении в исполнение приговоров Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 27 октября 1950 г. в отношении Вознесенского Александра Алексеевича и Вознесенской Марии Алексеевны, осужденных к высшей мере уголовного наказания – расстрелу. Приложение: две копии приговоров по два экз. каждая. Председатель военной коллегии Верховного суда Союза ССР генерал-майор юстиции /Матулевич/. Гербовая печать: 4-я Выездная Сессия Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР». К этому документу прилагался еще один: «Копия /оригинал от руки/ Сов. Секретно. Москва. 28 октября 1950 г. Акт. Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что приговоры Военной Коллегии Верховного суда СССР от 27 октября 1950 г. в отношении осужденных к ВМН – расстрелу Вознесенского Александра Алексеевича 1898 года рождения и Вознесенской Марии Алексеевны 1901 года рождения приведены в исполнение 28 октября 1950 г. в 2 часа 00 мин. (На имеющейся копии подписи отсутствуют)». Их тела сожгли в Московском крематории на территории Донского монастыря, а прах сбросили в огромную яму на местном кладбище. На этой «Могиле невоинственных прахов» в 1996 г. был открыт мемориал жертвам политических репрессий первых послевоенных лет³¹. И можно считать, что частичкой его является памятник трагической судьбе этих Вознесенских.

7. О брате Александра Алексеевича Вознесенского и других членах семьи

Прежде всего, о брате – Николае Алексеевиче Вознесенском, который не раз был упомянут в предыдущем изложении. О нем писала его сестра Валентина Алексеевна: «Насколько мне не изменяет память за давностью лет, Николай учился сначала в Чернской приходской школе три года (вероятно, с 1911 по 1914 г.), а затем с 1914 по 1917 г. в Высшем начальном четырехклассном училище. В 1917/1918 учебном году он посещал среднюю трудовую школу, но в то время он уже работал. После смерти отца семья наша буквально бедствовала, мы голодали, нищенствовали. Он начал работать с лета 1917 г. Сначала мальчиком у чернского гробовщика, выполняя подсобные работы, строгаю доски, затем в типографии (может быть, наборщиком) и на других работах. В то время он был один «добытчик» в нашей семье. Александр учился в Петроградском университете, а я с Марией в школе. Свой заработок Коля отдавал

маме, и на эти средства мы тогда жили. Помню, как она, получая от Коли очередную его получку, со слезами на глазах называла его «нашим кормильцем». С лета 1919 г. до начала 1921 г. он работал секретарем Чернского укома комсомола. В августе 1919 г. вступил в члены ВКП(б). В 1921 г. несколько месяцев он работал в Тульском обкоме комсомола. Тогда же поступил на учебу в Коммунистический университет им. Свердлова. Затем продолжал образование в Институте красной профессуры. Редко мне приходилось встречать людей, которые так, как он, сохранили бы черты своего характера от ранней юности до зрелого возраста: честность, правдивость, не терпел он фальши и лжи. В учении и в работе всегда проявлял собранность, упорство, трудолюбие. Он не любил попусту тратить время. Праздность, безделье, пустая болтовня претили его натуре»³². С 1924 г. он был на партработе. В 1924–1926 гг. заведовал агитпропом Енакиевского райкома партии, в 1926–1927 гг. секретарь парткома Енакиевского металлургического завода, в 1927–1928 гг. – заместитель заведующего агитпропом Артемьевского окружкома. В 1931–1934 гг. преподавал в экономическом Институте красной профессуры. Одновременно был на руководящих постах в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции СССР. С 1934 г. руководитель группы планирования и учета Комиссии советского контроля при СНК СССР, в 1938 – марте 1939 г. член бюро этой комиссии, ее уполномоченный в г. Сталино. После убийства С.М. Кирова переведен в 1935 г. в Ленинград, где назначен председателем городского комитета по планированию. Одновременно в 1937 г. – заместитель председателя Ленгорсиполкома. Взлет его карьеры начался в 1937 г., когда в ходе чисток погибла большая часть хозяйственных руководителей СССР. В ноябре 1937 г., пробыв в Ленинграде около трех лет, Н.А. Вознесенский переехал в Москву, будучи выдвинут на пост заместителя председателя Госплана при СНК СССР. А в январе 1938 г., после ареста председателя В.И. Межлаука (1893–1938), возглавил Госплан СССР, которым руководил ровно десять лет. Правда, с марта 1941 г. по декабрь 1942 г. председателем Госплана был М.З. Сабуров (1900–1977). Одновременно с апреля 1939 г. по март 1941 г. он заместитель председателя СНК СССР. В марте 1939 г. избран членом ЦК ВКП(б), а в феврале 1941 г. введен кандидатом в члены Политбюро ЦК. По его предложению в последние предвоенные годы был резко увеличен объем капитальных вложений в оборонную промышленность на востоке СССР. 10 марта 1941 г. стал единственным 1-м заместителем председателя СНК СССР. После начала ВОВ председателем СНК стал И.В. Сталин, Вознесенский остался его главным помощником по руководству хозяйством страны. Только в 1942 г. была создана вторая должность 1-го заместителя председателя СНК, которую занял В.М. Молотов. С февраля 1942-го по сентябрь 1945 г. Н.А. Вознесенский входил в состав Государственного Комитета Оборона. Под его руководством Госплан СССР превратился в один из важнейших органов управления народным хозяйством. С началом войны он отвечал за разработку военно-хозяйственных планов, формирование и реализацию военной экономики страны, перебазирование на восток почти двух третей ее производственного потенциала, прежде всего предприятий авиационной, танковой промышленности, всех отраслей, производящих вооружение, боеприпасы, а также металлургии и других производств, обеспечивающих военно-промышленный комплекс всем необходимым. И это в условиях, когда транспортные потоки с войсками направлялись на запад, Решить такую задачу для любого европейского государства было даже теоретически невыполнимо³³. В годы войны он поразил мир беспрецедентной организацией работы народного хозяйства страны для нужд победы над фашизмом в тяжелейших условиях того времени.

В марте 1946 г. с созданием Совета министров СССР он остался в его составе на должности заместителя председателя. 26 февраля 1947 г. переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Именно тогда Александр Алексеевич Вознесенский сказал своему сыну Льву: «Наконец-то Николай может ничего не бояться!» И ошибся.

«Но как характерна эта фраза для той эпохи!», – восклицал Лев Александрович³⁴.

Н.А. Вознесенский не терял связи с Ленинградом. И поэтому летом 1948 г. партийная организация Ленинграда и области в лице ее руководителя П.С. Попкова обратилась к нему с предложением взять «шефство» над этим городом. Что он ответил на это, точно не известно. Вроде бы отказал. Но каков бы ни был ответ, сам этот диалог потом имел трагическое последствие для него и ряда других лиц.

Он был автором многих статей по экономическим вопросам, книги «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (М., 1947). Был избран в число членов АН СССР (1943), получил степень доктора экономических наук (1943), стал лауреатом Сталинской премии (1948)³⁵.

Как уже указано, в начале 1949 г. органы МГБ с подачи И.В. Сталина, Маленкова и Берии начали организацию серии политических процессов. При этом Н.А. Вознесенский должен был стать ключевой фигурой фальсифицированного заговора по свержению советской власти, организации обособления РСФМР от СССР, сделав ее столицей Ленинград. Наверное, с этим было связано и то, что в июле 1949 г. Н.А. Вознесенский обнаружил на своем рабочем столе пистолет с одним патроном. Кто и зачем его подобрал? Он тут же сдал его вместе с оружием, которое было у него дома. Так он пренебрег намеком на уход от ответственности путем самоубийства. В это же время развернулась подготовка фальсификаций в отношении его. В этих целях была использована докладная записка заместителя председателя Госнаб СССР М.Т. Помазнова о занижении Госпланом СССР плана промышленного производства СССР на первый квартал 1949 года. Этот документ послужил началом для возведения обвинений в отношении Н. А. Вознесенского. Он не смог предотвратить приход в Госплан СССР комиссии под руководством Е.Е. Андреева, посланной специально, чтобы раздуть дело о пропавших в нем секретных документов. В результате Е.Е. Андреев направил донос об этом в Комиссию партийного контроля³⁶.

Л.А. Вознесенский подчеркивал, что Николай Алексеевич был чрезвычайно осторожным человеком. Так, узнав о предстоящем намерении властей назначить его брата на должность, связанную с Министерством иностранных дел (был такой вариант до его назначения министром просвещения), упрямил не делать этого, так как это влекло за собой неизбежную связь с иностранцами, что могло при желании скомпрометировать братьев. Видимо, он хорошо знал приемы МГБ, включая их стремление цепляться к таким связям, делая из этого самые серьезные выводы³⁷.

Для Маленкова и Берии Н.А. Вознесенский был опасным конкурентом. Они настраивали Сталина против него, подбрасывая все новые и новые факты. По рассказу бывшего работника Госплана, существовал порядок, согласно которому план первого квартала всегда должен быть больше, чем производство последнего квартала. Текущий 1948 г. был удачным: урожай приличный и промышленность не подкачала. Осторожный Н.А. Вознесенский дал указание несколько снизить результаты года, чтобы сделать более реальным план на следующий год. Это дало возможность обвинить его в обмане правительства. Берия выудил соответствующее признание у одного из руководителей работников Госплана и преподнес его Сталину. Вдобавок Н.А. Вознесенский имел привычку уничтожать черновики плановых разработок, что строжайше запрещалось. Всякая бумажка подлежала передаче специальным службам, где ее регистрировали, уничтожение же следовало активировать. Так он оказался виновным и в нарушении режима секретности³⁸.

5 марта 1949 г. Верховный Совет СССР издал указ, в котором говорилось, что за разные действия, имевшие антипартийный и антигосударственный характер, включая занижение плана на 1-й квартал 1949 г., Н.А. Вознесенский освобождается от обязанностей председателя Госплана СССР, а указом от 7 марта – от обязанностей заместителя председателя Совета министров СССР. Тогда же путем письменного опроса членов ЦК ВКП(б) было принято решение его Пленума о том, что в связи с этими указами,

а также постановлением Совета министров СССР вывести Н.А. Вознесенского из состава Политбюро ЦК ВКП(б)³⁹. 12–13 сентября также опросом Пленум ЦК одобрил его исключение из ЦК и привлечение его к судебной ответственности «за утрату документов Госпланом СССР».

Надо упомянуть, что 13 июля 1949 г. вышло строго секретное постановление Политбюро «О журнале “Большевик”», в котором некоторые его сотрудники подверглись критике, получили взыскания за предоставление читателям книги Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» как учебника и глубоко научного исследования. В этом постановлении было указано на то, что Д.Т. Шепилов «совершил грубую ошибку, допустив рекомендацию Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) книжки Н. Вознесенского в качестве учебника для работы с секретарями райкомов партии и пропагандистскими кадрами. Отменить эти указания как ошибочные»⁴⁰. Между тем в книге были соблюдены все необходимые тогда идеологические требования, восхваление Сталина осуществлено по всем поводам и даже при отсутствии таковых. Причем иногда вместе с Лениным, но всякий раз без упоминания Маркса. И несмотря на все это, в середине 1949 г. наступил переломный момент, когда И.В. Сталин внутренне отказался от своих слов о скором возвращении автора этой книги (что он обещал ему после снятия с руководства Госпланом) в «руководящее ядро» и окончательно сдал его на расправу Берии и Маленкову⁴¹.

Между тем надо подчеркнуть, как писал А.З. Ваксер, «рукопись указанной книги Сталин держал у себя почти год, скрупулезно делая вставки, исправлял и в конце концов одобрил <...> Книга, помимо основного материала, содержала краткое изложение экономических воззрений автора. Среди них центральное место занимали положения о признании объективности экономических законов, необходимости укрепления экономических рычагов в организации производства и распределения, какими являлись цена, деньги, кредит, премия». А.З. Ваксер также отмечал, что «впервые после свертывания нэпа Вознесенским и его соратниками была осуществлена практическая попытка совмещения административной системы управления с использованием экономического инструментария хозяйствования, которая должна была повысить эффективность советской экономики, не только завершить восстановление, но и сделать шаг в совершенствовании всей хозяйственной системы. Она провалилась по многим причинам, в частности и потому, что не соответствовала методам и организации управления промышленностью, выпестованным Сталиным, требовала длительной подготовки, нового уровня хозяйственных кадров. Решить ее командными средствами, натиском, характерными для предвоенной, военной и послевоенной эпохи, оказалось невозможным. Жизнь, однако, заставила вновь вернуться к тем же идеям в конце 1950-х годов <...> Сталин, в течение ряда лет поддерживавший эти идеи, бросил, как это бывало и прежде, вчерашних единомышленников, переложив всю ответственность за провал на них»⁴². Здесь А.З. Ваксер под провалом имеет в виду бюджетный кризис 1949 г., который власти постарались скрыть. И это удалось. А сделать это надо было в основном ввиду того, что это был год 70-летия Сталина, и омрачать его никак нельзя было. Ответственность за провал свалили на ленинградцев, включая Н.А. Вознесенского. И это, по мнению А.З. Ваксера, послужило, помимо всех прочих, экономической причиной возникновения «Ленинградского дела», что историки до сих пор не принимали во внимание.

В.М. Андрианов 9 августа 1949 г. доложил И.В. Сталину о проделанной в Ленинграде «работе» по искоренению врагов. При этом он указывал и на книгу Н.А. Вознесенского «Военная экономика...», которую студенты якобы изучают на семинарах больше, чем тему развития тов. Сталиным теории марксизма-ленинизма⁴³. Хотя следует сказать, за эту книгу в 1948 г. он получил Сталинскую премию. Явно не вызвали сочувствия у вождя письма Н.А. Вознесенского, которые он послал после ареста Марии Алексеевны и Александра Алексеевича в надежде облегчить их судьбу⁴⁴.

С 1 сентября по 17 октября 1949 г. Н.А. Вознесенский направил Сталину последние в своей жизни четыре письма, в которых пытался объяснить ситуацию, просил о более объективном рассмотрении выдвинутых против него обвинений. Но все было напрасно. 4 сентября Бюро КПК приняло постановление о пропаже в Госплане секретных документов. Во всем обвинили Н.А. Вознесенского. В частности в том, что, обнаружив в свое время виновников некоторых пропаж, он ограничился административными мерами воздействия, а не передал материал следственным органам. Но он-то знал, чем это может кончиться для этих виновников! Жалел людей. А теперь ему пришлось оправдываться, унижаться, бичевать себя, представляться каким-то недотепой, реагировать на обвинения какой-то отпиской, основное содержание которой сводится к «не знаю» и «не видел». В тех же случаях, когда прикинуться незнайкой не удавалось, Н.А. Вознесенский оправдывается рассуждениями типа: «Почему же я не принял решения о привлечении виновных к суду, а ограничился административными взысканиями и не сообщил об этих фактах в ЦК и Правительство? Когда я пытаюсь осмыслить причины такого проступка, мне приходится разграничить вопрос: почему я не сделал этого тогда и как я понимаю это дело теперь? Тогда мне казалось, что поскольку нет данных, что документы использованы для разглашения государственной тайны и что о фактах недостачи документов, как мне говорил Купцов, он сообщает в Министерство госбезопасности, я думал, что можно поверить объяснениям виновных и ограничиться административными взысканиями. Теперь я понимаю, что этот обывательский подход недопустим, что я допустил большую вину перед ЦК и Правительством, что нельзя субъективным толкованием подменять законы, что их надо выполнять неукоснительно, и что только суд и следствие компетентны решать данный вопрос. Все это теперь мне ясно потому, что после моего снятия с работы, ценой больших переживаний я ликвидировал свою болезнь – самонадеянность и самомнение, что все отношение к партийным и советским решениям, конечно, стало по-настоящему обостренным и бдительным». Письмо Сталину от 1 сентября 1949 г. он закончил так: «Обращаюсь в ЦК ВКП(б) и к Вам, товарищ Сталин, и прошу Вас простить мне мою вину, изложенную здесь. Наказание, которое я уже получил, и нахождение длительное время без работы настолько потрясло и переродило меня, что я осмеливаюсь просить Вас об этом и поверить, что Вы имеете дело с человеком, который извлек уроки и понимает, как надо соблюдать партийные и советские законы»⁴⁵.

Но, конечно, претензии к Н.А. Вознесенскому по поводу недостатков в хранении секретных документов не были главными в комплексе обвинений. Главным было то, что самостоятельные мнения и действия Н.А. Вознесенского нужны были хозяину во время войны. Но она закончилась, а самостоятельность осталась. В.И. Ленин когда-то писал о необходимости придания Госплану законодательных функций. Возможно, Н.А. Вознесенский в какой-то степени этому указанию продолжал следовать. Но времена-то изменились. Конечно, главным обвинением была связь с руководителями Ленинграда, потакание их намерениям по увеличению значения города. Так, он знал о предстоящем проведении ярмарки в городе. Однако считал это малосущественным фактом, в ЦК не сообщил об этом.

В своих письмах к Сталину Н.А. Вознесенский пытался оправдаться, развеять наветы. Но никакие объяснения не принимались во внимание, его прошлые заслуги не учитывались. Председатель Бюро КПК М.Ф. Шкирятов (1883–1954), который, как считалось, относился к самым гнусным сталинским опричникам, предлагал исключить его из членов ЦК и отдать под суд. 11 сентября секретариат ЦК подтвердил это предложение, решил вынести его на утверждение Пленума ЦК. Путем заочных опросов его членов, проведенных 12 и 13 сентября, такое решение было утверждено. Имелся документ об исключении Н.А. Вознесенского из партии, подписанный И.В. Сталиным. Но через много лет оказалось, что это исключение фактически так и не состоялось по каким-то техническим причинам (но в 1988 г.

его вместе в Кузнецовым все же восстановили в партии). Вместе с тем началось оформление «Дела Госплана», которое тесно переплелось с «Ленинградским делом»⁴⁶.

Н.А. Вознесенского арестовали 27 октября 1949 г. При аресте была изъята, а потом уничтожена рукопись книги, над которой он работал длительное время, – «Политическая экономия коммунизма» объемом 822 страниц⁴⁷. Последний обобщенный протокол его допросов был представлен И.В. Сталину 9 декабря 1949 г. На этом как бы закончилась следственная формирова́ние его дела⁴⁸. Не позднее 12 ноября 1949 г. его исключили из АН СССР. Предложение о приговорах по этому делу министр МГБ В.С. Абакумов представил Сталину 18 января 1950 г. Предложение о расстреле Н.А. Вознесенского Политбюро утвердило 30 сентября 1950 г.

Из десяти детей Вознесенских только обе дочери Николая Алексеевича – Майя и Наталья – не были арестованы по какой-то прихоти вождя. Казалось бы, наоборот: в первую очередь. Ан нет, таков каприз тирана. Но и на их долю выпало немало испытаний. Однако они, по крайней мере, оставались в Москве, продолжали учиться⁴⁹.

Родные Николая Алексеевича получили следующий документ: «Военная коллегия Верховного суда РСФ. 18 сентября 1998 г. № 4Н-04862/54. Справка. По сообщению Центрального архива ФСБ РФ № 10/а-3467 от 7 сентября 1996 г. приговор в отношении Вознесенского Николая Алексеевича, 1903 г.р., приведен в исполнение 1 октября 1950 г. в г. Ленинграде, место захоронения мемориальное кладбище «Левашовская пустошь»». Статьи обвинения его были 58-1а, 58-7, 58–11. На этом кладбище, где покоится прах более чем 40 тысяч расстрелянных в 1937–1952 гг., его семья поставила памятник-камень, на котором выбито его имя и годы жизни⁵⁰. Для характеристики той эпохи следует привести такой факт, что в приговоре о расстреле после фамилии Н.А. Вознесенского чернилами вписано как важное дополнение, что он происходит из семьи владельца сапожной мастерской⁵¹. Что касается упомянутого приведения в исполнение приговора, то по этому поводу был составлен «Акт» с грифом «Совершенно секретно». В нем указано, что «поименованные на обороте» (т. е. получается, что этот «Акт» был написан на оборотной стороне приговора, который держал в руках руководитель расстрела) 1. Кузнецов А.А. 2. Попков П.С. 3. Вознесенский Н.А. 4. Капустин Я.Ф. 5. Лазутин П.Г. 6. Родионов М.И. расстреляны в два часа ночи. «Акт» подписали: начальник Отдела «А» МГБ СССР генерал-майор Герцовский, начальник Комендантского отдела МГБ СССР генерал-майор Блохин и военный прокурор полковник юстиции Кульчицкий⁵². Так же был составлен следующий «Акт»: «Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что 1 октября 1950 г. в котельной Внутренней тюрьмы УМГБ Ленинградской области нами были уничтожены путем сожжения личные вещи, снятые с шести человек, осужденных Военной коллегией суда СССР 29-30 сентября 1950 г. к ВМН – расстрелу. При сожжении присутствовал зам. коменданта УМГБ Лен. обл. майор Жемов. Нач. Комендантского отдела МГБ СССР генерал-майор Блохин, Нач. группы Комендантского отдела МГБ СССР полковник Семенихин, Нач. группы Комендантского отдела МГБ СССР ст. лейтенант Новиков»⁵³. И, наконец, последний «Акт»: «Мы нижеподписавшиеся удостоверяем, что 1 октября 1950 г. в 4 часа 00 мин. было зарыто в яму на спецобъекте УМГБ Ленинградской области шесть трупов. Нач. Отдела «А» МГБ СССР генерал-майор Герцовский, Нач. Комендантского отдела МГБ СССР генерал-майор Блохин. Нач. Отделения Отдела «А» МГБ СССР подполковник Воробьев, Зам. Коменданта УМГБ Ленингр. обл. майор Жемов»⁵⁴.

Таким образом, от вынесения приговора с учетом его окончательного согласования с Москвой, а это было около 12 часов ночи, до захоронения тел прошло примерно четыре часа. По некоторым сведениям, на приговоренных к смерти надевали белые чехлы. И здоровенные конвоиры на себе их доставили в управление МГБ. А это было не так трудно: расстояние метров 200, вес крайне истощенных людей не так уж был велик. Но, скорее всего, их в этих саванах тащи-

ли до машин (идти после всего этого многие вряд ли могли), на которых и везли в управление. Там все можно было сделать по-быстрому. А от управления до места захоронения за два часа, наверное, проехать можно. Во всяком случае, при этом было выполнено распоряжение председательствующего на суде генерал-майора юстиции Матулевича: «Начальнику Отдела «А» МГБ СССР генерал-майору тов. Герцовскому А.Н. Прошу дать указание коменданту МГБ СССР о немедленном приведении в исполнение приговора Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29-30 сентября 1950 г. в отношении осужденных по ст. ст. 58-1 «а», 58-7 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания – расстрел. [поименованы шесть человек] Приложение: копия приговора»⁵⁵.

Как следует из указанного, Николая Алексеевича «судили» вместе со всеми основными жертвами «Ленинградского дела», когда большинство их «присудили» к расстрелу. Об обстановке этого «суда» некоторые сведения можно почерпнуть из воспоминаний сына Ф.Е. Михеева, осужденного к 10 годам ИТЛ: «Непосредственно про суд, состоявшийся в Ленинградском доме офицеров, отец мог рассказать очень мало. По его словам, из Москвы его привезли в невнятном состоянии. Он плохо ориентировался в окружающем, все было как во сне. Он даже не был уверен, что находится в Ленинграде, а не в другом месте. Вспоминал лишь отдельные, не связанные друг с другом эпизоды. Такое состояние могло быть вызвано физическим и психическим истощением в результате почти годового следствия. Оно не могло быть связано со страхом или волнением перед предстоящим судом: отец надеялся, что суд, наконец, разберется и признает его невиновным. Я думаю, почти уверен, что дело не обошлось без накачивания отца психотропными средствами, поскольку секретные фармакологические лаборатории НКВД и МГБ всегда работали эффективно. Отец помнил, что следователь все время находился рядом и что-то постоянно внушал. Видимо, подсудимые не находились в зале, а периодически вызывались, вернее, приводились или притаскивались конвойными, по одному или вдвоем, для дачи показаний. Отец считал, что достоиннее всех вел себя Н.А. Вознесенский, который пытался возражать против обвинения. Окончания суда и чтения приговора отец совершенно не мог вспомнить, стал приходиться к себе только во Владимире, в тюрьме»⁵⁶.

Как писала Валентина Алексеевна в указанных выше воспоминаниях, «Николай Алексеевич был строго принципиальным в решении всех вопросов до конца своих дней. Никакой обывательщины, никакой семейственности он не терпел и не допускал в решении политических вопросов. Его сослуживцы по Госплану называли «глыбой ума»». И до сих пор в ряде зарубежных и отечественных работах его вспоминают как гениального организатора эвакуации промышленности на восток и создания там военного производства, позволившего победить германский фашизм. Его называют «стратегом экономической победы»⁵⁷.

С.И. Семин, работавший начальником управления Госплана при Н.А. Вознесенском, отмечал его исключительную энергию и прекрасную подготовку в области планирования развития народного хозяйства. При всей жесткости директивной экономики председатель Госплана пытался, где только мог, более широко вовлечь трудящихся в процесс планирования, контроля, определения перспектив развития каждого предприятия. Не знал отпусков и выходных дней. После Бухарина это, пожалуй, был второй и, наверное, пока последний крупный экономист в нашем высшем руководстве⁵⁸.

В. Иванченко писал: «Н.А. Вознесенский оставил неизгладимый след во всех сферах жизнедеятельности советского народа. Память о нем сохранится вместе с памятью о Великой Отечественной войне. Но вместе с тем научное, методологическое и организационное наследие Н.А. Вознесенского крайне необходимо сегодня, когда Россия нуждается в экономической стратегии мобилизационного типа, чтобы реально встать на путь стабильного развития в условиях современной глобализации, и, прежде всего, в экономике»⁵⁹.

1 декабря 1973 г., в день 70-летия рождения Н.А. Вознесенского, в ЛФЭИ, носившем уже его имя, состоялось торжественное открытие мемориального комплекса с его бюстом. В печати выражалась благодарность его жене за помощь по его организации⁶⁰.

Жена Н.А. Вознесенского – Мария Андреевна Литвинова родилась в г. Дебальцево на Украине. Окончила библиотечный техникум, Московский педагогический институт. Работала школьной учительницей русского языка и литературы. Арестована 21 октября 1950 г. Приговорена ОСО при МГБ СССР к 10 годам лишения свободы. Была освобождена в 1954 г., реабилитирована⁶¹. У нее, как уже сказано, две дочери: Майя Николаевна по мужу Самсонова и Наталья Николаевна Вознесенская (1941).

О Марии Алексеевне Вознесенской ее сестра Валентина Алексеевна писала: «Наша сестра Мария Алексеевна отличалась с ранних лет серьезностью, трудолюбием и политической зрелостью». Она после окончания Коммунистического университета была на партийной работе в Донбассе и в Ленинграде. В 1937 г. была арестована. После 10 месяцев тюрьмы вместе с мужем Ф.Ф. Визнером и двумя малолетними сыновьями была сослана в Богучанский район Красноярского края (предположительно деревня Климено). Ее брат Н.А. Вознесенский сообщил об этом А.А. Жданову, попросил о помощи. Ссылку отменили, следственное дело прикрыли. «Но, – как писал Лев Вознесенский, – оно осталось, затаилось до поры до времени в архиве и ждало своего часа». Именно тогда возникла опасность ареста и для Александра Алексеевича, который, как считается, тоже участвовал в освобождении сестры. Может быть, органы его тогда вызывали? И уж, несомненно, завели на него дело, которое через годы очень им пригодилось. Возможно, это было так называемое «наблюдательное» дело, превратившееся потом в обычное следственное.

Во время войны Мария Алексеевна находилась в Свердловске, была секретарем горкома ВКП(б) по пропаганде и агитации. Первым секретарем областного и городского комитетов партии там с 1938 г. был В.М. Андрианов. Он тогда, что называется, использовал Марию Алексеевну, угрожив ее поставить свою подпись (кроме своей) на просьбе, посланной в Госплан СССР, о выделении городу дополнительных ресурсов угля. Сыграла свою роль ее подпись или нет, не известно. Но дополнительный уголь был получен. Позднее, когда В.М. Андрианов активно участвовал в разгроме ленинградских партийных и прочих кадров, об этой подписи вспомнили. При этом забыв, конечно, о подписи андриановской. Это потом ставилось Марии Алексеевне в вину, как сговор с братом, возглавлявшим Госплан СССР. По возвращении в Ленинград после окончания войны она заведовала Домом политпросвещения, затем была первым секретарем Куйбышевского райкома партии. 23 декабря 1948 г. выступала на Ленинградской X областной и VIII городской объединенной партконференции. Например, критиковала ЛПИ им. Герцена за ученые записки по экономгеографии, в которых «протаскиваются буржуазные установки в экономическом районировании СССР»⁶². Последний раз она упоминалась в начале февраля 1949 г. в качестве автора статьи «Идеологическая работа с интеллигенцией»⁶³.

Она была арестована 21 июля 1949 г. Л.А. Вознесенский писал, что с нее начались все аресты Вознесенских. Она отказалась дать нужные Сталину показания. Была осуждена Военной коллегией Верховного суда СССР 27 октября 1950 г. по ст. 58-1 «а», 58-7 и 58-11 УК РСФСР. И ее расстреляли вместе с Александром Алексеевичем 28 октября 1950 г., о чем сказано выше⁶⁴. Через год после этого один из ее следователей, это уже на допросе Льва Александровича Вознесенского, сказал, что он с другим следователем свыше восьми часов убеждали ее подписать протокол допроса с обоснованием ее виновности, который был составлен им и его начальником⁶⁵. Он не сказал, каким путем проводилось это «убеждение», но подпись они получили.

Заметим, что ее судьба была предрешена и тем, что она была упомянута в опубликованном проекте «Закрытого письма Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова и

др.»», которое направили Сталину 12 октября 1949 г. Г. Маленков и Л. Берия: «...В ходе следствия по делу о враждебной партии группы Кузнецова, Попкова и др. установлено, что с этой группой был связан Вознесенский Н.А. Предложение бывших ленинградских руководителей Вознесенскому о «шефстве» над Ленинградом, сделанное ему Попковым после смерти Жданова, было не случайным. А вытекало из существа их антипартийных связей. Теперь доказано, что только наличием близких связей можно объяснить тот факт, что бывшие ленинградские руководители, втайне от ЦК ВКП(б), вернули из ссылки, восстановили в партии и выдвинули на руководящую партийную работу активного врага партии и Советской власти сестру Вознесенского Н.А. – М. Вознесенскую. По этой же причине бывшие ленинградские руководители в своих враждебных целях осуществили выдвижение на руководящую работу сначала ректором Ленинградского университета, а затем министром просвещения РСФСР его брата – Вознесенского А.А.»⁶⁶.

12 июня 1957 г. ее родственникам было выдано «Свидетельство о смерти» 1-ЮБ № 043278. В нем указывалось, что «гражданка Вознесенская Мария Алексеевна умерла 27 октября 1950 г., возраст 49 лет», о причине и месте смерти сведений нет⁶⁷. В другом документе, выданном 15 февраля 1990 г., отмечена причина смерти – расстрел, а место смерти – «в местах заключения г. Москва, республика РСФСР». ВКВС 16 июля 1954 г. выдала «Справку»: «Дело по обвинению Вознесенской Марии Алексеевны пересмотрено 14 мая 1954 г. Приговор от 27 октября 1950 г. в отношении Вознесенской М.А. отменен и дело за отсутствием состава преступления производством прекращено. Председатель ВКВС генерал-лейтенант юстиции А. Чепцов».

Имеется «Справка о реабилитации» Вознесенской М.А., «родившейся в селе Теплое (Теплово) Тульской губернии, проживающей по адресу г. Ленинград, наб. р. Фонтанки, д. 22, кв. 22, по решению Комиссии УНКВД по Лен. Обл. от 8 августа 1937 г., высланной в административном порядке из Ленинграда без указания срока высылки, как исключенная из рядов ВКП(б) по политическим мотивам. Решением ГУВД С.-Петербурга и Ленинградской области от 25 августа 1937 г. Вознесенская М.А. в связи с административной высылкой реабилитирована. Начальник ГУВД А.В. Пониделко»⁶⁸. Имеется справка и о ее полной реабилитации по делу 1950 г., когда она была обвинена «в участии в контрреволюционной организации», от 14 мая 1954 г. в соответствии с указом Верховного Совета Союза ССР о реабилитации жертв политических репрессий⁶⁹.

Ее муж Федор Францевич Визнер (1895–1971), чех, уроженец Праги, участник ВОВ, раненый в боях под Ленинградом. После войны – директор автобазы. Арестован 20 октября 1950 г. Осужден ОСО при МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по ст. 58-1 «в» УК РСФСР на восемь лет ИТЛ. Дело было пересмотрено ВКВС 30 января 1954 г. и прекращено за отсутствием состава преступления. Сохранилась «Справка № 1821», выданная начальником Озерного ИТЛ МВД Визнеру Федору Францевичу в том, что «он с 20 октября 1950 г. содержался в тюрьме и 23 октября 1954 г. освобожден за прекращением дела в порядке статьи 4 п. 5 УПК РСФСР и следует к месту жительства г. Ленинград». На бланке указано, что «видом на жительство не служит. При утере не возобновляется». Отметим, что в лагере у него был инсульт, приведший к частичному параличу. До выхода на пенсию он работал директором той же автобазы, что и до ареста⁷⁰.

Сын Марии Алексеевны Владимир Федорович Визнер (1929–2010) учился в ЛВМИ. После ареста матери был вынужден перевестись в ЛГИ. Арестован 21 октября 1950 г., осужден ОСО при МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по ст. 58-1 «в» УК РСФСР на восемь лет ИТЛ. Находился в заключении в Песчаном лагере под Карагандой. Освобожден в ноябре 1953 г., реабилитирован. Работал инженером-конструктором на авторемонтном заводе. Окончил ЛВМИ, работал в конструкторском бюро завода «Арсенал», заместитель главного конструктора, кандидат технических наук⁷¹.

Другой сын Марии Алексеевны – Евгений Федорович Визнер (1934 г.) – до ареста 14 марта 1951 г. был студен-

том 1-го курса Энергетического института. Осужден ОСО при МГБ СССР 28 апреля 1951 г. по ст. 7 и 35 УК РСФСР на пять лет ссылки «как сын осужденной участницы антисоветской вредительской группы Вознесенской М.А. и осужденного Визнер Ф.Ф., на иждивении которых он находился до дня ареста»⁷². Правда, в другом документе сказано, что он осужден «за причастность к антисоветской вредительской группе»⁷³. Но такое определение вызывает сомнение, так как за эту «причастность» наказание могло бы быть более суровым.

Имеется письмо, посланное ему 9 июня 2004 г. № 18/769 из УФСБ РФ по СПб и ЛО, в котором сказано: «Настоящим подтверждаем, что Визнер Евгений Федорович был арестован 14 марта 1951 г. и содержался во внутренней тюрьме УМГБ СССР ЛО с 14 марта 1951 г. по 4 мая 1951 г.» В «Справке», выданной 12 мая 1994 г. № 4622 Управлением внутренних дел Красноярского краевого исполкома, отмечено, что Е.Ф. Визнер был осужден «как социально-опасный элемент» и направлен «в ссылку на поселение в Тасеевский район Красноярского края. К месту ссылки прибыл 19 сентября 1951 г. этапом под конвоем. Основание: лично-архивное дело № 20276». В другом документе указано, что он под конвоем направлялся через пересыльные тюрьмы г. Красноярск и г. Канск⁷⁴.

В упомянутых выше документах отмечено, что Е.Ф. Визнер был от ссылки освобожден 1 июня 1953 г. «на основании Указа ПВС СССР об амнистии от 17 марта 1953 г.». В «Справке» ВКВС сказано: «Постановление ОСО при МГБ СССР от 28 апреля 1951 г. в отношении Визнера Е.Ф. отменено и он по данному делу полностью реабилитирован». После освобождения он вернулся в Ленинград. Служил в армии. Окончил электромеханический техникум. Работал инженером-конструктором в НИИ-49. Примерно с 1970-го по середине 2010-х годов – главный энергетик Государственного Эрмитажа⁷⁵.

Имеется также весьма любопытный документ – «Справка о реабилитации» Евгения Федоровича Визнера, уроженца г. Пушкин Ленинградской области, проживавшего наб. р. Фонтанки, 22, кв. 22», выданная в 1997 г. В ней указано, что он вместе с отцом Визнером Ф.Ф. находился в «высылке с 22 августа 1937 г.». Получается, что этот документ относится к трехлетнему мальчику, который через 60 лет был реабилитирован⁷⁶. Удивительный случай! Во время беседы с ним он с большой теплотой отзывался о своей матери Марии Алексеевне Вознесенской. С болью говорил о том, что на тюремной ее фотографии, как он считает, явственно видны следы побоев. Рассказывал о тяжелейших условиях, в которых он сам находился: изнурительные допросы, пересыльные лагеря⁷⁷.

Евдокия Марковна Косачевская (1906–1994) – гражданская жена А.А. Вознесенского с 1944 г. Она родилась в деревне Кобицы Черниговской губернии. Окончила ЛГУ, была историком, доцентом истфака. Автор работ по истории революционного движения в Галиции, о первом ректоре Петербургского университета М.А. Балуговянском, об украинском просветителе Н.А. Маркевиче. В июле 1941 г. – начальник штаба трудовой повинности ЛГУ, осенью 1941 г. активно участвовала в создании стационара в помещении истфака. Л.Л. Эльяшова писала: «О трагедии Евдокии Марковны Косачевской мы знали. Как только освободили Украину, она совершила длинный, трудный путь в поселок, где жили ее родители и дочка. Узнала, что все погибли. Она решила, что жить не сможет. Пыталась выброситься из окна. Ее спасли. А ректор понял, что лучшим спасением для этого энергичного человека будет важное дело, и отправил ее в Ленинград [на восстановление ЛГУ]. Он оказался прав»⁷⁸. Она в 1945 г. была директором лектория ЛГУ, получила благодарность от Политуправления ЛВО за активную лекционную работу⁷⁹. Была включена в 1947 г. в комиссию для создания книги по истории ЛГУ. По «Ленинградскому делу», как бывшая жена А.А. Вознесенского, была осуждена ОСО при МГБ СССР 16 декабря 1950 г. по ст. 58-1 «в» ч. 1 УК РСФСР на 8 лет ИТЛ. Прошла тюрьму и лагерь⁸⁰.

Стойкость ее поразительна, никого на допросах не выдала, ничего компрометирующего об Александре Алек-

сеевиче Вознесенском не сказала. Она рассказывала корреспонденту газеты в 1988 г., что всем обязана ему в своей духовной жизни и научной деятельности. «Всего шесть лет совместной жизни, насильственно прерванной его незаконным арестом <...> питают и насыщают ее по сей день. Память о них дает ей силы и толчок к творчеству. И не допускает мысли о прощении палачей и их пособников, какой бы давности лет не было для этого суда памяти»⁸¹.

После его ареста она уехала в Ленинград в надежде снова вернуться к преподаванию истории в ЛГУ, откуда она была только недавно уволена в связи с переводом в Москву. Но ни там, ни в других местах ее не брали на работу за близость к «врагу народа». С большим трудом ей, доценту с пятилетним опытом работы, удалось устроиться домоправительницей к сочувствующему ей профессору Фейхтенгольцу. Ее попытки узнать что-либо о судьбе А.А. Вознесенского ни к чему не привели. Поехала на прием к заведующему отделом науки ЦК КПСС Ю.А. Жданову. Ничего не узнала, только передала письмо на имя т. Сталина с просьбой разобраться. Потом этим письмом следователь Соколов в Лефортовской тюрьме хлестал ее по лицу во время допросов. Через некоторое время поступило предложение из Ашхабадского университета, где после землетрясения ощущался острый дефицит кадров. Не задумываясь, собрала свою огромную библиотеку, которая заняла почти целый вагон, и поехала. Но через девять дней после прибытия – это в октябре 1950 г. – ее арестовали, привезли в Лефортовскую тюрьму.

«Отныне ее одежда стала исключительно тюремная, домом – одиночная камера. Уют заменяли жесткая койка, табурет и глазок. Так что спать приходилось под зорким оком надсмотрщика. Если во сне поворачивалась на бок или убирала руки под одеяло – тут же открывалась со скрипом железная дверь и офицер с дежурным охранником грубо толкали, приказывая лечь, как положено: на спину, руки – поверх одеяла. Заключенный был лишен воли даже во сне. Что уж говорить об уважении человеческого достоинства в другое время суток».

«Допросы следовали один за другим. Требовали показаний на Вознесенского, Молока, Вайнштейна, Гуковского, Мавродина. Не дождавшись фактов, навязывали свои версии. Следователь Соколов, довольно безграмотный и грубый, любил поднимать ее среди ночи и усаживать на табурет на несколько часов кряду. Научилась спать сидя. Вместо подписи протокола однажды поставила ему двойку за безграмотность. Вводили в комнату, за стеной которой били человека, который кричал, чтобы его не убивали, что он на всех скажет, тем самым давая понять, что она может ждать этого же. Орудием пытки были железные тиски, в которые тело завинчивали до посинения и хруста костей. При этой пытке она потеряла сознание. Когда тиски развинтили, она упала, случился первый инфаркт. После этого на два дня оставили в покое. А затем подняли и объявили приговор – восемь лет лагеря особого режима по статье 58 с конфискацией имущества. Никакого суда не было, даже пародии на него».

Вместо больничной койки для инфарктницы ей на месяц была уготовлена вагонная полка, пока поезд следовал до Тайшета. Там в лагере дали работу «полегче» – обрубку сучьев спиленных деревьев. Но внаклонку работать не смогла, попросилась со всеми валить лес. Она и сама удивляется, как выдержала: короткий сон в душном барাকে, где запирали по 120 человек, ранним утром выгоняли под конвоем с собаками на несколько километров вглубь тайги. После 14 часов работы такой же путь назад. Однажды на нем ее свалил вновь сердечный приступ. Но она знала, что в лагере особо тяжелой была жизнь людей, не приспособленных к физическому труду. Такой несчастной была в их лагере первая жена Н.И. Бухарина доктор философских наук Э.И. Гурвич. Ее унижали и издевались над ней и охранники, и рецидивисты, помещенные специально вместе с политическими, чтобы осложнить их существование. Они всех держали в страхе, чувствовали себя вольготно, так как не считались врагами народа.

Евдокия Марковна попросилась на укладку путей дороги Абакан–Тайшет. Вдвоем таскала шпалы: день на одном плече, день на другом. Потом день отдыха для заживления стертых в кровь плеч. Кем только потом не была: парикмахер, вышивальщица. Заказы на вышивки поступали и от надзирательниц. Поэтому последняя специальность помогла щадить больное сердце от бессмысленной переноски камней по выходным дням: так как тогда отдыхали только конвойные, а заключенные спецлагерей должны были каждый день заниматься тяжелым физическим трудом. И не иначе!

Проведя в лагере четыре года, она была освобождена со смертью Сталина. Только за несколько дней до этого она узнала о трагической участи А.А. Вознесенского. Ни дома, ни имущества у нее не было, от библиотеки не осталось и следа. Почти год проработала в Ашхабадском университете. А потом телеграмма Льва Вознесенского, поездка в Москву, ознакомление со следственным делом Александра Алексеевича, с его многочисленными талонами на карцер. Она-то знала, что такое карцер Лефортовской тюрьмы: трех раз ей хватило, чтобы он продолжал ей сниться в кошмарах всю жизнь! А потом, с большим трудностями, реабилитация, восстановление в партии и работа в ЛГУ. «Нет, она не хочет возмездия. Уже хватит крови и жертв. Но нужна вся правда, необходимо, чтобы все кругом знали, кто есть кто»⁸².

Документы свидетельствуют, что, вернувшись из лагерей, Е.М. Косачевская была совершенно одна. Будучи без своего жилья, она некоторое время жила в квартире проф. И.И. Смирнова. Она испытывала большие трудности в устройстве на работу на историческом факультете ЛГУ, так как ей определенные лица создавали всякого рода препятствия. В 1955 г. она писала в Президиум ЦК КПСС, что в октябре 1950 г. была арестована как член семьи А.А. Вознесенского, в конце 1953 г. она была реабилитирована и решением КПК при ЦК КПСС от 26 июня 1954 г. восстановлена в партии. Летом 1954 г. в Ленинграде получила хорошую комнату. Обкомом была оказана материальная помощь, представлено клиническое и санаторное лечение. Распоряжением зам. министра высшего образования Прокофьева М.А. была восстановлена на работе в качестве доцента кафедры истории СССР ЛГУ. Однако там отказались ее принять, четыре месяца тянулась переписка ЛГУ с министерством. В парткоме ЛГУ ее даже отказывались принять на учет. Только 26 октября 1954 г. после категорического вмешательства министерства был подписан приказ о ее восстановлении в ЛГУ. А через пять месяцев ее вынудили участвовать в конкурсе. «Тем самым, – писала она, – я была поставлена в невыгодное положение, так как в тюрьме были уничтожены конспекты моих лекций, библиография, материалы по теме моей научной работы – труды 26 лет моей жизни. Между тем я более трех лет находилась в строгой изоляции. И, естественно, мне необходимо время для восстановления своих физических и <...> творческих сил. Между тем конкурсная комиссия рассматривает меня безотностительно к тому, что со мной было последние пять лет <...> Конкурсная комиссия не рекомендовала меня на место доцента. На ученом совете факультета за меня голосовали 7 из 14. Секретарь горкома КПСС Замчевский заявил руководству ЛГУ, что я пять лет отсутствовала не по своей вине, и не могу сейчас расплачиваться за то, что в партии орудовала вражеская группа Берия-Абакумова <...> Несмотря на это, под благовидным предлогом была достигнута давно задуманная цель – освободиться от меня. В конце июня ректор ЛГУ сообщил мне, что я оставлена на работе доцентом. Министр Елютин восстановил мне непрерывный стаж работы, мне выдали деньги на лечение. Но, вернувшись из отпуска 1 сентября, я узнаю, что я переведена на ставку ассистента, что означает ущемление меня материально и направление на новый конкурс». В конце письма К.М. Косачевская просила учесть все сказанное, дать ей возможность работать на должности доцента. Видимо, это возымело действие, просьба ее была удовлетворена⁸³.

Однако отношение к ней на историческом факультете в последующий период в лучшую сторону существенно не

изменилось. Несомненно, там остались люди, ответственные за прошлые репрессии. И очень они хотели добить жертву. Это, например, видно из письма Е.М. Косачевской от 15 июля 1968 г. на имя ректора ЛГУ К.Я. Кондратьева⁸⁴.

Видимо, это письмо не оказало желаемого действия. И 22 июля 1968 г. Е.М. Косачевская по этому поводу посылает письмо министру высшего образования СССР В.П. Елютину. После изложения обстоятельств дела она писала: «В свое время Вы оказали мне, вдове А.А. Вознесенского, большую моральную и материальную поддержку, помогли мне вернуться в строй. Все это позволяет мне надеяться на Ваше участие в справедливом решении жизненно важного для меня вопроса. Я потеряла все: единственную дочь, отца и мать, расстрелянных гестапо, любимого человека. Я прошла через унижения, страшные физические и моральные страдания, тюрьмы и лагеря. Я могу и должна работать. Университет, творческая работа, общение с молодежью стали для меня единственным смыслом жизни. Если Вы считаете возможным принять меня в Ленинграде или в Москве, прошу Вас сообщить мне через деканат исторического факультета»⁸⁵. Видимо, она после этого продолжала там работать. И, надо заметить, неприязненное отношение к ней на историческом факультете один к одному напоминает отношение к С.Д. Заку на экономическом факультете, также вернувшемуся в ЛГУ после тюрьмы и лагеря. Во всяком случае, как пишет Р.Ш. Ганелин, она была уволена в 1968 г. на пенсию, «за голосование против ее изгнания был только Ю.Д. Марголин»⁸⁶. К этому моменту как нельзя лучше относится его замечание: «В 1949 г. попытка заступничества за кого-либо была чревата арестом, а в 1968 г. – лишь возможностью лишиться служебного положения или навредить ему»⁸⁷. Р.Ш. Ганелин также писал: «Юрий Давидович Марголин опекал, сколько мог, Е.М. Косачевскую в течение многих лет, до самого ее конца»⁸⁸.

8. Вспоминая Вознесенских

Л.Л. Эляшова писала: «Судьба семьи Вознесенских кажется фантастической судьбой сказочных богатырей. Люди исключительной одаренности и энергии, преданные своей стране и идее человеческого прогресса, они до 40–50 лет успели сделать удивительно много. Были ценимы и востребованы. И вдруг – черная пропасть клеветы и пыточных застенков. Александр Алексеевич, Николай Алексеевич и Мария Алексеевна совершили трудно вообразимый великомученический подвиг – больше года они провели в запердельных для человека условиях и не подписали ни одного клеветнического протокола допросов ни на себя, ни друг на друга, ни на одну из организаций, сорвав этим новые планы создания новых следственных дел. Считается, что подобное терпение невозможно, но оно было. Подтверждают документы. Вероятно, эти люди редчайшего мужества обретали силы в акте самого своего сопротивления. И это – героизм из героизма. Были уничтожены многие теоретические работы братьев Вознесенских, в том числе и последние неопубликованные. Все делалось для того, чтобы о них забыли. Не вышло»⁸⁹.

И далее: «С нашим ректором связывали мы все самые важные события своей жизни. Так, в ночь на 2 мая 1945 г., услышав о взятии Берлина, общежитие устремилось к университету. Возник митинг, выступал Александр Алексеевич, и мы в буйном порыве качали его. В университет к “папе” ринулись мы и в день Победы. Пришли мы в кабинет ректора и в день защиты дипломов. Без его поздравления не могло быть полной радости. Наша любовь к замечательному человеку, ректору военных и послевоенных лет осталась с нами пожизненно. Проходя по длинному коридору Главного здания, я останавливаюсь у портрета А.А. Вознесенского, с благодарностью и мысленно кланяюсь ему»⁹⁰.

К 90-летию со дня рождения бывшего ректора намечалось выпустить книгу «Александр Алексеевич Вознесенский – ученый, государственный и общественный деятель, человек». В конце 1985 г. был составлен проспект книги, в которой предполагались очерки о жизни и деятельности А.А. Вознесенского, составленные Л.А. Вознесенским, М.П. Саковым, С.Д. Заком, В.В. Мавродиным, К.Ф.OGO-

родниковым, Е.М. Косачевской, Л.Л. Эльяшовой, С.М. Фирсовой, В.С. Торкановским, С.И. Тюльпановым и др. Общее руководство должно было осуществляться Л.А. Вознесенским и Л.Л. Эльяшовой. В качестве приложения должны были быть помещены все статьи А.А. Вознесенского, опубликованные в периодической печати. В отношении целесообразности их публикации возникли сомнения, так большинство их откликлось на злобу дня и не имело научного значения. Но и без них собранные воспоминания многих лиц, сведения о несохранившихся трудах А.А. Вознесенского и другие материалы представляли большой интерес. Однако по неизвестным причинам книга не была напечатана. Можно лишь высказать предположение, что кто-то на экономическом факультете, скорее всего из числа старых сотрудников, не захотел публикации материалов, проливающих свет на злодеяния, совершенные в 1949–1951 гг. А может быть, против этого были и новые, не захотевшие лишней раз пятнать факультет такими воспоминаниями. Но, к счастью, большая часть собранных тогда материалов сохранилась и использована в данной работе⁹¹.

По поводу состоявшихся тогда научных чтений в связи с указанной выше датой рождения А.А. Вознесенского Г. Гаврилова писала: «Рожденное больной или преступной фантазией, “Ленинградское дело” не дало в полную мощь развернуться таланту ученого и педагога, трагически прервав жизнь яркой личности в самом расцвете. Но память не убить, она жива в нас. И сегодня память о ректоре, имя которого стало легендарным, память о его уроках живут в традициях университета. Жива память о его судьбе, которая служит для нас уроком»⁹².

Людмила Владимировна Розе рассказывала, что вышла замуж за сына Николая Владимировича Розе, известного ученого, декана математико-механического факультета ЛГУ. Он был арестован в январе 1942 г. по обвинению в принадлежности к созданной карательными органами контрреволюционной организации «Союз старой интеллигенции», члены которой арестовывались с 1932 г., и умер в Ленинграде в тюрьме в апреле 1942 г. Она добавляла к этому, что он был арестован как немец. Во всяком случае, это сыграло свою роль в обвинениях. Семья Розе жила в доме 29 по 16-й линии Васильевского острова до 1970 г., пока его жильцов, в основном сотрудников ЛГУ, не стали расселять. Их квартира находилась напротив квартиры Вознесенских. После ареста Н.В. Розе там жила его жена Вера Васильевна Розе с двумя малолетними детьми. По ее просьбе А.А. Вознесенский взял ее на работу в ЛГУ и отправил в эвакуацию в Саратов. Это спасло им жизнь. Есть сведения, что он оказывал подобную поддержку и семьям других арестованных⁹³.

В 1998 г. было отмечено 100-летие со дня его рождения А.А. Вознесенского. Была помещена статья в «Российской газете» – «Просвещенный век профессора А.А. Вознесенского». Л.Л. Эльяшева писала: «Мог ли здравый ум вообразить, что эта гнусная выдумка уже через четыре года после победной войны сможет погубить главных организаторов военного сопротивления? В их числе и наших профессоров. Всех. На факультете не осталось ни одного профессора. Остро не хватало и других преподавателей, так что лекции на младших курсах читали старшекурсники. Наши блестящие профессора оказались в тюрьмах. Там погибли В.В. Рейхард, Л.В. Некраш, Г.А. Гуковский, А.А. Вознесенский <...> Наш же профессор Александр Алексеевич Вознесенский сотни, нет, тысячи раз стоял за кафедрой рядом со своими учениками, читавшими лекции в самых разных вузах страны. Знаю по себе – при раскрытии сложных теоретических проблем, при ответах на трудные вопросы студентов, да и просто при нелегких обстоятельствах жизни я думала: “А что бы сказал сейчас Александр Алексеевич? Как бы он поступил? Что бы он ответил на этот вопрос?” И мой профессор неизменно помогал мне. Знаю, он помогал многим. И докторам наук С.М. Фирсовой, до конца своих дней считавшей его Главным Учителем своей жизни, и В.С. Торкановскому и другим. А многолетний ректор Театрального института Н.М. Волынкин прямо говорил, что учился быть ректором у А.А. Вознесенского»⁹⁴.

Нельзя не привести не публиковавшиеся воспоминания бывшей студентки ЛГУ Надежды Федоровны Афонской, касающиеся А.А. Вознесенского. Она пишет, что стала студенткой филфака в 1938 г., но «академический отпуск по болезни, двухлетняя эвакуация в Саратов, возврат потом на год назад в связи с измененным учебным планом привели к тому, что мне посчастливилось учиться и работать под руководством Александра Алексеевича не пять, а девять лет. Дело в том, что я была членом профкома ЛГУ и путевочным работником ректората. Поэтому довольно часто общалась с Александром Алексеевичем: у него на совещаниях, в Обкоме нашего союза, по его вызовам, когда надо было заключать договора на путевки, на университетских вечерах (если он мог, то всегда был на них). Можно сказать, что мы были лично знакомы. Прежде всего, он не был стяжателем, не гонялся за роскошью, хотя в то время кто-кто, а он мог себе многое позволить. Зато к студентам он относился очень заботливо, входя иногда прямо в мелочи, в пустяки. Однажды в Обкоме союза во Дворце профсоюзов на площади Труда было какое-то совещание, на котором были и мы с Лизой Мирошниковой (она была культработником профкома, а я по быту). Александр Алексеевич сидел в президиуме совещания и, конечно, после его окончания вышел к выходу из здания сразу. А пока мы оделись, прошло минут 15–20, а может быть, и полчаса. Выходим – прямо против ворот в “бобике” сидит он <...> Открывается дверь, и он с улыбкой говорит: “Ну, студентки, вам куда? Садитесь!” Мы, конечно, стали отнекиваться, тем более что она жила на Староневском, а я на проспекте Газа. Но он все-таки усадил нас, доехал до университета, сказал водителю отвезти нас, а потом заехать за ним. А пока, мол, он поработает. Мы тогда были уверены, что никакой работы в ректорате у него не было. Просто он от широкой души хотел доставить нам удовольствие (тогдашние студенты и на трамвае-то норовили проехать без билета, не говоря уже о машине!).

Когда мы были в Саратове, он добился для нас в Москве целого вагона сливочного масла. Будучи и в Саратове бытработником, я частенько была свидетельницей, как он допрашивал Могиловича (это был зав. студенческой столовой), что можно сделать для улучшения питания. В частности, по хлопотам А.А. Вознесенского в столовой ввели карточки для инвалидов войны (а они в студенческой среде в 1943 г. уже были) и матерей с детьми. Они отоваривались особым хлебом – “кухом”. Н.Ф. Афонская, говоря об организаторских способностях А.А. Вознесенского, выделяет его решение готовить специалистов-строителей из числа студентов еще в Саратове, с тем, чтобы их доставить в Ленинград в первую очередь для восстановления общежития.

Уже после возвращения в Ленинград он говорил Афонской, чтобы она не торопилась с заключением договоров на путевки студентам, а сперва лично убедилась, чем там и как кормят. Просил стараться дома отдыха выбирать поближе к Ленинграду для экономии студенческих затрат на дорогу. «Говорят, что на ученом совете он был непреклонен. Но мы, студенты, не знаем этих дел, и потому судить не можем. 9 мая 1945 г., услышав о Победе, мы все ринулись в Университет. Мы с подружкой вышли рано утром с проспекта Газа, и в 9 с чем-то с балкона главного входа в Университет услышали выступление Александра Алексеевича. Что он говорил, не вспомню. И не потому, что он мог сказать плохо, бесцветно. Нет! Просто у него предательский дрожал голос, а мы все ревели белугами. Это тоже свидетельство того, что и в беде и в радости он был вместе с нами, и мы к нему тянулись как к самому близкому человеку.

Была у меня и еще одна встреча с Александром Алексеевичем (по-моему, в 1947 г.), когда он был министром просвещения, а я учительствовала. Пробилась на прием к нему. Он меня узнал, очень хорошо встретил, вспомнил Ленинград и, как мне показалось, он всегда сожалел об университете. Понимая, что у него на счету каждая минута, я заторопилась. И тогда он меня спросил, в чем состоит моя просьба к нему. Никакой просьбы нет, ответила я. Просто я зашла навестить его, напомнить о себе. Он так громко рассмеялся. Сказал, что к нему теперь ходят только с просьбами. “Ваше посещение я запомню навсегда как приятное исключение”.

А мне приятно сознавать, что Александра Алексеевича Вознесенского уважали, ценили, любили и помнят. И вообще, именно о нем с полным основанием можно сказать, что есть на земле люди, которые своим своим наличием делают более приятной жизнь людей, живущих рядом с ними»⁹⁵.

Надо сказать, что вспоминают А.А. Вознесенского не всегда достаточно корректно. Так, например, в статье «Краткое описание жизни и деятельности А.А. Вознесенского», помещенной в свое время в Интернете, было сказано, что он стал министром просвещения благодаря поддержке своего брата. Как можно видеть из предыдущего изложения, это противоречит действительности.

Член-корреспондент РАН Р.Ш. Ганелин в своих воспоминаниях писал, что ректор, профессор кафедры политической экономии А.А. Вознесенский читал в актовом зале свой курс, в основе которого был «Капитал» К. Маркса, всем студентам гуманитарных факультетов. Весьма часто его заменяла доцент С.М. Виленкина, которую студенты между собой называли «Маркс в юбке». «Курс, хотя и читался двумя лекторами, был очень интересен. А.А. Вознесенский часто отвлекался ради очень поучительных житейских рассказов...»⁹⁶ Университет был его домом, в котором он чувствовал хозяином. Вел он себя порой в полном противоречии с той манерой поведения, которая была присуща руководящим работникам идеологического, как тогда называли, фронта. Незадолго до назначения его министром просвещения РСФСР в 1947 г. он провел в университете грандиозную конференцию «Наука, литература и искусство в новой сталинской пятилетке» с приглашением знатных москвичей». Сам Р.Ш. Ганелин от студентов был направлен встречать на вокзале приехавших поэтессу М. Алигер, критика Л.М. Субботского, секретаря Союза писателей Д. Заславского. Позже на концерте для участников конференции он услышал характерный для того времени разговор о том, что после блестящего доклада на конференции музыковедом Л.А. Эстелиса А.А. Вознесенский спросил декана исто-

рического факультета Мавродина, почему этот музыковед не работает на искусствоведческом отделении. Мавродин объяснил, что там занимаются только изобразительным искусством. «Меня это не интересует, – сказал А.А. Вознесенский, – если в городе есть человек такой высокой одаренности, то он должен быть профессором нашего университета». По этому поводу Р.Ш. Ганелин писал, что, вероятно, не без такого взгляда ректора на искусствоведческом отделении исторического факультета был введен курс истории кино, который читал Л.З. Трауберг, лекции которого пользовались большим успехом.

Р.Ш. Ганелин упоминал в своих воспоминаниях о том, что на историческом факультете в 1948 г. «прорабатывали», в частности, книгу историка Б.А. Романова «Люди и нравы древней Руси». Автора обвиняли в отсутствии классового подхода, декана В.В. Мавродина – в выпуске книги. «Мне казалось, что этому способствовал А.А. Вознесенский через директора университетского издательства Тышлера. Вообще ректор хорошо относился к Б.А. Романову, пытался помочь ему в квартирном деле, но не успел это сделать ввиду препятствий, оказавшихся непреодолимыми»⁹⁷.

Также писал, что профессор С.Н. Валк попал под преследование в 1949 г., в частности за свой доклад, сделанный на сессии по поводу юбилея ЛГУ, проведенный с большой торжественностью в 1944 г. ректором А.А. Вознесенским⁹⁸. Тогда критике подвергся профессор А.И. Молок за благоприятную рецензию по поводу выпуска Трудов научной конференции, посвященной 50-летию смерти Н.Г. Чернышевского, ответственными редакторами которого были В.Е. Евгеньев-Максимов, А.А. Вознесенский, Ш.И. Ганелин (Л., 1941). По поводу этого Р.Ш. Ганелин писал: «Представляется, однако, вероятным, что побудительным мотивом к проработке, хотя, может быть, и косвенным, была расправа над А.А. Вознесенским, одним из редакторов упоминавшегося сборника <...> Имя А.А. Вознесенского в печати резало глаз ответственным “идеологам” того времени»⁹⁹.

СОКРАЩЕНИЯ

ВКВС – Военная коллегия Верховного суда СССР
 ВКВШ – Всесоюзный комитет высшей школы при СНК СССР
 ВОВ – Великая Отечественная война 1941–1945 гг.
 ВП – Весь Петербург (Петроград, Ленинград), адресная книга
 КБФ – Краснознаменный Балтийский флот
 КПК – Комитет партийного контроля при ЦК КПСС
 ЛВМИ – Ленинградский военно-механический институт
 ЛГИ – Ленинградский горный институт
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 ЛИИС – Ленинградский институт советского строительства и права им. М.И. Калинина
 ЛИФЛИ – Ленинградский институт философии и лингвистики
 ЛОКА – Ленинградское отделение Коммунистической академии
 ЛПИ – Ленинградский политехнический институт
 ЛУ – Ленинградский университет (газета)
 МВО – Министерство высшего образования
 МГБ – Министерство государственной безопасности СССР
 НИИ ЭФП – Научно-исследовательский институт экономики, философии и права при ЛГУ
 ОА СПбГУ – Объединенный архив С.-Петербургского государственного университета
 ОСО – Особое совещание при МГБ
 ПВС – Президиум Верховного Совета СССР
 ПГУ – Петроградский госуниверситет
 СНК – Совет народных комиссаров
 Управление Министерства госбезопасности по Ленинградской обл.
 ФОН – Факультет общественных наук при ПГУ
 ЦГА СПб – Центральный государственный архив С.-Петербурга
 Министерство юстиции РСФСР. Официальный текст Уголовного кодекса с изменениями на 1 августа 1948 г.
 Ст. 7. В отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность своей связью с пре-

ступной средой. Карается высылкой или заключением в ИТЛ на 5 лет (С. 26). Применяется при контрреволюционных преступлениях (С. 150).

Ст. 35. Удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности, оставление в которой признается общественно опасной (С. 26).

Ст. 58 Контрреволюционная деятельность, направленная к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и правительства Союза ССР

Ст. 58-1а. Измена родине (шпионаж, выдача военной тайны, переход на сторону врага). Карается ВМН – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества (С. 26).

Ст. 58-1в. Способствование чем-либо членом семьи изменнику родины, недонесение властям о его действиях. Карается лишением свободы от 5 до 10 лет. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника родины, проживающие совместно с ним, подлежат ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет (С. 27).

Ст. 58-1г. Недонесение о готовящемся контрреволюционном действии от 6 мес. до 25 лет (С. 27).

Ст. 58-7. Подрыв государственной промышленности, транспорта и др. в контрреволюционных целях. Карается ВМН – расстрел. При смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества (С. 30).

Ст. 58-10. Пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению или ослаблению Советской власти. Карается ВМН – расстрел. При смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества (С. 31).

Ст. 58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений. Карается лишением свободы на срок до 25 лет (С. 32).

¹ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 66; Как вспоминала В.Н. Рогова, будучи послана на работу в Москву после окончания истфака ЛГУ, она в 1949 г. была на концерте Поля Робсона. И там встретила А.А. Вознесенского с Е.М. Косачевской. Он поднял руки и как бы с сожалением сказал: «Я ведь теперь министр просвещения».

² ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Л. 65.

³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1369. Л. 105.

⁴ Там же. Д. 1382. Л. 75.

⁵ ЛУ. 1948. №. 9. 8 мая. Фотография: А.А. Вознесенский на заседании ученого совета ЛГУ; Яркая, светлая личность // СПбУ. 2008. 10 июня.

⁶ ЛУ. 1949. №. 8. 2 марта.

⁷ Книга, которая извращает историю университета // Там же. 1948. № 14. 4 апреля.

⁸ О сборнике «Ленинградский университет за советские годы» // Там же. № 15. 21 апреля.

⁹ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 67–68, 146.

¹⁰ Там же. С. 146.

¹¹ Там же. С. 67–68.

¹² Там же. С. 70.

¹³ *Косачевская Е.М.* Черновики бесед с дипломницей С. Мамоновой. Архив С. Мамоновой.

¹⁴ *Вознесенский Л.А.* Истины ради... С. 75.

¹⁵ Там же. С. 206;

¹⁶ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 215.

¹⁷ Там же. С. 208.

¹⁸ Из записок Ирины Александровны Вознесенской, знакомившейся с делом отца.

¹⁹ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 314.

²⁰ Там же. С. 78.

²¹ Там же. С. 216; На известном Пленуме ЦК в июне 1957 г., «разоблачавшем» Молотова, Маленкова и Кагановича, генеральный прокурор Р.А. Руденко утверждал, что Абакумов организовывал «Ленинградское дело» с ведома Маленкова, но тот возразил: «Почему с моего ведома, когда Абакумов не был мне подчинен». На том же пленуме Маленкова обвинили в том, что он однажды в «особой тюрьме» допрашивал арестованных по «Ленинградскому делу» людей. Маленков признал, что «выезжал в тюрьму по поручению тов. Сталина в присутствии товарищей, которые сидят здесь» (то есть других членов Политбюро 1949 года). На что последовала реплика Хрущева: «Я тоже здесь сижу, но я не выезжал и не знаю, кто туда выезжал». На это Маленков заявил: «Ты у нас чист совершенно, тов. Хрущев» (*Кожин В.В.* Россия. Век XX (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. 1999. С. 48).

²² *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 219.

²³ Там же. С. 220.

²⁴ ОАД РНБ. Ф. 16. С. д. № П-48227. Т. 2. Л. 165–170.

²⁵ *Зак С.Д.* Письмо. Архив С. Мамоновой.

²⁶ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 244.

²⁷ По иронии судьбы, менее чем через год на «лефортовский конвейер» был поставлен бывший министр МГБ Абакумов. В письме к Берии и Маленкову, описывая «зверские выходы» по отношению к нему, он рассказывал и о карцере: «Это была холодная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 м, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день). Установка включалась, холод все время усиливался. Я много раз впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел» (Там же).

²⁸ Там же. С. 245.

²⁹ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 135.

³⁰ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 246.

³¹ Там же. С. 249.

³² *Вознесенская В.А.* Воспоминания о брате и семье (Написаны в 1962 г.) // *Вознесенский Н.А.* Интернет; В поселке Чернь имеется улица Н.А. Вознесенского.

³³ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 123.

³⁴ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 126.

³⁵ *Залесский К.А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. 2000. С. 15 и др.

³⁶ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 146.

³⁷ Там же. С. 259; Один из авторов писал: «Не случилось этого, страна, вне всяких сомнений, уже в самые ближайшие годы могла иметь очень сильного председателя Совета министров».

³⁸ *Гэфнер М.Я.* Несколько рассказов о вожде // *Избранные произведения.* М., 1979; *Колотов В.В., Петровичев Г.Н.* Н.А. Вознесенский. М., 1976; *Кутузов В.* «Ленинградское дело» // *Диалог.* 1987. № 18, 19.

³⁹ *Колотов В.В.* Николай Алексеевич Вознесенский. 1974. С. 3–10; *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 140.

⁴⁰ В рецензии на указанную книгу отмечалось, что она «представляет собой глубокое и всестороннее научное исследование экономики СССР периода Отечественной войны. Она служит примером диалектического сочетания теории и практики <...> Книга является примером ленинско-сталинского принципа партийности в теоретической работе...» «Для книги характерен большевистский политический подход к исследованию экономических явлений...» (*Гатовский Л.* Книга о военной экономике СССР // *Большевик.* 1948. № 1. С. 71). В конце рецензии было сказано: «Книга тов. Вознесенского существенно поможет нашим советским, партийным и промышленным кадрам полнее и глубже познать закономерности развития социалистического общества, социалистической экономики, принципы и методы планирования, хозяйственные и политические задачи, стоящие перед советским государством. Книга раскрывает великую, неизменно растущую, творческую мощь советского строя, она говорит о всепобеждающей силе ленинизма, о непобедимости мудрой политики партии Ленина-Сталина, ведущей нашу социалистическую Родину к коммунизму» (Там же. С. 88). Часто книга цитировалась в статье Г. Сорокина «Социалистическое планирование – закон развития советской экономики» (Там же. № 24. С. 12–29).

⁴¹ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 146; При рассмотрении в ЦК претензий к журналу «Большевик» жестко критиковали напечатанную в нем хвалебную рецензию Гатовского на книгу Н.А. Вознесенского, который также не препятствовал цитированию выдержек из этой книги в отдельных опубликованных там статьях других авторов. Он даже дал положительное заключение о статье работника Госплана Сорокина, которая изобилует цитатами из книги Н.А. Вознесенского (опубликована в № 24 журнала «Большевик» за 1948 г.). Возможно, в книге нашли отражение его взгляды по экономическим вопросам из ранее напечатанных его статей, которые не полностью были созвучны соответствующим установкам. Например, писали следующее: «Если же прочитать ряд статей Вознесенского разного периода, что нетрудно – в 60–70-е годы его активно печатали, то можно увидеть, насколько большую роль он отводит в строительстве коммунизма рыночным методам и хозрасчету в частности. Конечно же, и реверансы в сторону коммунизма есть, и цитат из классиков марксизма предостаточно, но хозрасчет «всплывает» на каждом этапе от конца нэпа до последней страницы. Например, в статье «Хозрасчет и планирование на современном этапе» он пишет: «Хозрасчет мы не только не можем уничтожить, но обязаны его укреплять. Текущее хозяйственное положение *сделало хозрасчет особенно актуальным* (выделено Вознесенским) <...> Мы должны перевести на хозрасчет каждый цех, каждую бригаду <...> Каждая хозрасчетная единица имеет твердые оборотные

средства...” Заканчивается статья выводом: “Итак, наш общий вывод ясен: хозрасчет – мощный рычаг осуществления большевистских темпов, мощный рычаг социалистического планирования”. Эта статья была написана в конце 1931 г. А вот фрагмент из статьи 1939 г.: “Хозрасчетные отношения необходимы в период социализма <...> Вот почему необходимо вести денежный счет плановых показателей.” Т.е. Вознесенский и его ученики считали, на каком бы этапе не находилась экономика СССР, на каждом – именно хозрасчет был самым “нужным, важным и актуальным” (Миронин С. Ленинградское дело – надо ли ставить кавычки. Интернет).

⁴² Ваксер А.З. Шестьдесят лет так называемого «Ленинградского дела». История изучения и новые аспекты // Клио. СПб., 2010. № 1. С. 115–123.

⁴³ Вознесенский Л.А. Указ. соч. С. 201.

⁴⁴ Там же. С. 205.

⁴⁵ Петрова О. Ленинградское дело. Интернет.

⁴⁶ Результатом принятия постановления Совета министров СССР от 5 марта 1949 «О Госплане СССР» и постановления Политбюро 11 сентября 1949 «О многочисленных фактах пропажи секретных документов в Госплане СССР» в аппарате Госплана СССР произошла существенная кадровая чистка. К апрелю 1950 г. был проверен весь основной состав ответственных и технических работников – около 1400 человек. Из них 130 человек были уволены, более 40 переведены из Госплана на работу в другие организации. За год в Госплан было принято 255 новых работников. Из 12 заместителей Вознесенского убрали семерых, причем лишь один к апрелю 1950 г. был арестован, а четверо получили новую ответственную работу (что также свидетельствовало о преимущественно неполитическом характере «Дела Госплана»). Состав начальников управлений и отделов и их заместителей обновился на треть. Из 133 начальников секторов было заменено 35 (Вознесенский Л.А. Указ. соч. С. 212, 214; Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х гг. Дело Госплана // Отечественная история. М., 2001. № 3).

⁴⁷ Там же. С. 99.

⁴⁸ Там же. С. 215; Расследование «Ленинградского дела» держал под постоянным контролем Маленков, он же будто бы неоднократно присутствовал на допросах арестованных. Следственную группу непосредственно возглавлял полковник Комаров, который впоследствии признал (возможно, под давлением следователей хрущевцев), что по приказанию Абакумова лично избивал Н.А. Вознесенского, а следователи Сорокин и Питовранов применили такие же меры грубого физического воздействия к Кузнецову (Миронин С. Ленинградское дело...). «Ленинградское дело» единственное, после которого практически все участвовавшие в нем следователи были расстреляны. Много спекуляций имеется о роли тогдашнего министра госбезопасности Абакумова. Действительно, 11 июля 1951 года, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О нездоровой ситуации в Министерстве государственной безопасности СССР». В соответствии с данными в этом решении оценками, сутки спустя был арестован тогдашний министр государственной безопасности Союза ССР генерал-полковник В.С. Абакумов, объявленный «главой сионистского заговора в МГБ», и началась чистка органов госбезопасности. На выездном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР в Ленинграде 12–19 декабря 1954 г. Абакумов был обвинен в фабрикации судебных дел, в т.ч. «Ленинградского дела», назван членом банды Берия, расстрелян (Там же).

⁴⁹ Там же. С. 241.

⁵⁰ Там же. С. 242.

⁵¹ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 193.

⁵² Там же. С. 192; Расстрел был произведен не более чем через два часа после вынесения приговора. Это, как считается, было сделано столь стремительно с целью того, чтобы осужденные не успели подать прошение о помиловании в Президиум Верховного Совета, на что в принципе они имели право (Миронин С. Ленинградское дело...). Этому способствовало близкое расположение помещения суда (Дом офицеров) от места расстрела (Большой дом на Литейном проспекте или Дом предварительного заключения на Шпалерной улице).

⁵³ Там же. С. 193.

⁵⁴ Там же. С. 194.

⁵⁵ Там же. С. 62.

⁵⁶ Там же. С. 113.

⁵⁷ Эльшова Л.Л. Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 181.

⁵⁸ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина.

⁵⁹ Иванченко В. Н.А. Вознесенский: опыт, вошедший в историю. Интернет.

⁶⁰ Советский экономист. 1973. № 31. 20 ноября. В следующем номере этой газеты была большая статья о Н.А. Вознесенском, но не было сказано ни слова о его расстреле.

⁶¹ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 123.

⁶² Ленинградская правда. 1948. № 304. 24 дек.

⁶³ Там же. 1949. № 28. 2 февр.

⁶⁴ Вознесенский Л.А. Указ. соч. С. 54, 56; Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 136, 137.

⁶⁵ Там же. С. 217.

⁶⁶ Коммерсант ВЛАСТЬ. 26 сент. 2000 г. С. 56.

⁶⁷ Выдана по месту регистрации смерти: Ленинград, Московское районное бюро ЗАГС.

⁶⁸ УВД ЛО. Письмо от 17 нояб. 1997 г. № 35/14-4-В-168.

⁶⁹ Расстрельные списки. Москва 1935–1953. Донское кладбище. М., 2005.

⁷⁰ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 137, 206.

⁷¹ Там же. С. 137. Заметим, что его в своих воспоминаниях отмечает Лев Михайлович Сафонов, сын М.И. Сафонова, расстрелянного по «Ленинградскому делу». С ним он встретился на этапировании из Лефортовской тюрьмы в Казахстан. Потом полтора года был вместе с ним, с сыновьями Я.Ф. Капустина и М.В. Басова. Они выделялись на общем фоне нестандартными сроками наказания – 8 лет – и считались «малосрочниками». К ним некоторые лагерники (националисты, фашисты и бывшие уголовники) относились весьма недружелюбно, считая их «просоветскими». На этой почве возникали проблемы, были и стычки. В их лагере содержалось более 3500 заключенных. Начальником лагеря был майор Колпачков. Ко всем, кто носил погоны или были вольнонаемными работниками, заключенные были обязаны при обращении говорить «гражданин начальник». Рано утром проводились проверки. Заключенных выстраивали и пересчитывали несколько раз, пока фактическая численность не совпадала с учетной. «Особенно неприятно это было в мороз или под дождем». После скудного завтрака выводили на работы после новых проверок, по пять человек в шеренге, в сопровождении конвоиров с автоматами и с немецкими овчарками на длинных поводках. И на протяжении всего пути на объект и обратно в зону раздавались грубые окрики, угрозы, отборный мат. Конвоиры могли натравить собак, могли положить колонну на дорогу, в грязь. В начале лета 1952 г. в лагере было сформировано несколько этапов, и его разлучили со своими знакомыми ребятами (Там же. С. 118).

⁷² Арх. справка. УФСБ ЛО. 6 нояб. 1992 г. № 10/81-П-14401.

⁷³ Справка. Верховная коллегия Верховного Суда РФ. 25 мая 1992 г. № 4н-0971/54.

⁷⁴ МВД России. УВД Красноярского края. 25 июня 2004. № 1/3-3482. Арх. справка.

⁷⁵ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 137.

⁷⁶ Справка о реабилитации. ГУВД ЛО. 17 нояб. 1997 г. № 35/14-4-В-168.

⁷⁷ Братья Владимир и Евгений Федоровичи Визнеры рассказывали корреспонденту газеты: «Маму арестовали в 1949-м, рано утром 25 июля на даче. Через месяц нас выселили из квартиры на Чайковской, а еще через некоторое время увезли отца. Затем пришел черед испить и нам горькую чашу: узнав от следователя, что мама как враг народа расстреляна, один из нас через Лефортовскую тюрьму последовал в Казахстан, другой через “Кресты” в уже знакомый Красноярский край...» (Жертвы сталинщины // Невское время. 2009. 21 февр.).

⁷⁸ *Эльшова Л.Л.* Наш век. Из книги воспоминаний // СПбУ. № 13/14. 2003. 5 мая.

⁷⁹ ЛУ. 1949. № 7. 23 февр.

⁸⁰ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб.. 2009. С. 136.

⁸¹ *Гаврилова Г.* Терновый памяти венец // ЛУ. 1988. 16 сент.

⁸² Сохранился и такой документ, как копия заявления Е.М. Косачевской ректору ЛГУ проф. С.П. Меркурьеву и секретарю парткома И.В. Дубову: «Представляя черновые копии документов, адресованных С.Д. Заком в партийные органы, считаю своим партийным долгом заявить, что наличие портрета Ильина в галерее деканов экономического факультета ЛГУ является оскорблением памяти невинно погибших и искалеченных судеб многих научных работников коммунистов ЛГУ и их потомков, недопустимым кощунством над памятью мертвых и живых. Справедливость и восстановление партийных норм нашей жизни, а также достоверной истории Университета, требуют незамедлительного изготовления и экспонирования портрета В.В. Рейхардта, который с 1941 по 1948 г., в самые трудные военные и послевоенные годы, был деканом экономического факультета. Он был и остается крупным ученым в области политической экономии <...> Провокационными действиями Ильина нанесен невосполнимый ущерб развитию экономической науки в связи с тем, что В.В. Рейхардт был объявлен врагом народа и физически уничтожен. Благодаря стараниям Ильина были арестованы, заключены в лагерь такие деятели экономической науки, как А.И. Буковецкий, В.М. Штейн, Я.С. Розенфельд и другие...» (*Косачевская Е.М.* Письма и документы. Архив С. Мамоновой).

⁸³ Там же. Письмо В.П. Елютину. 1955.

⁸⁴ Писала, что всего за 10 дней до этого заседания ученого совета она была кафедрой истории СССР рекомендована к переизбранию. «Присутствующие в разное время на моих лекциях профессора Пештич, Курбатов и Калитина дали положительную оценку моей работы. На партийном собрании исторического факультета в мае с. г. при рассмотрении итогов проверки вечернего отделения в выводах комиссии и в резолюции я была названа в числе лучших преподавателей, много работающих со студентами. Совсем недавно, в апреле 1965 г., в характеристике, подписанной руководителями ЛГУ и секретарем Василеостровского райкома КПСС Селезневой, моя работа в ЛГУ оценивалась положительно. Вам, наверное, известно, что пять лет я курирую в качестве члена Совета при ректоре ЛГУ преподавание истории и обществоведения и участвую в организации политико-массовой работы в 45-й физико-математической школе-интернате. Кроме того, я веду систематическую работу с учителями школ и школьниками Ленинграда. Свыше 20 лет руковожу педагогической практикой студентов-историков, читаю лекции, участвую в рецензировании программ и учебников по истории СССР для средней и высшей школы. Недавно я была рекомендована от ЛГУ в состав Координационного центра при горкоме КПСС по работе вузов со школой. Эта моя работа отмечалась в приказах по ЛГУ и на последнем заседании кафедры <...> Нельзя считать нормальным и то, что уже через два дня после заседания ученого совета меня приказом отчислили из ЛГУ, не находя нужным даже предварительного поговорить со мной, тем более, что в связи с тяжелым сердечным приступом я нахожусь на бюллетени с постельным режимом. 28 лет безупречной работы в ЛГУ, казалось бы, дают мне право на личное объяснение с ректором до подписания приказа о моем увольнении». В заключение письма Е.М. Косачевская просила отменить решение ученого совета исторического факультета как незаконное (Там же).

⁸⁵ Там же. *Е.М.* Письма к К.Я. Кондратьеву и к В.П. Елютину. 1968.

⁸⁶ *Ганелин Р.Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой». Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб., 2006. 2-е изд. С. 182.

⁸⁷ Там же. С. 343.

⁸⁸ Там же. С. 345.

⁸⁹ *Эльшова Л.Л.* Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 181.

⁹⁰ *Эльшова Л.Л.* Там же. С. 178. 29 октября 2004 г. у здания Двенадцати коллегий, напротив ректорского флигеля СПбГУ, был открыт памятный знак жертвам политических репрессий – ученым и университетам, репрессированным в середине XX века. В церемонии открытия памятника приняли участие ректор СПбГУ Л.А. Вербицкая, декан филологического факультета С.И. Богданов, директор Музея СПбГУ И.Л. Тихонов и архитектор Г.П. Постников, разработавший проект памятного знака, а также родственники, друзья пострадавших от репрессий и бывшие студенты и аспиранты. Л.А. Вербицкая призвала собравшихся помнить не только о тех, кто не вернулся с полей битв, защищая Родину, но и о тех, кто погиб в тюрьмах, лагерях в годы репрессий. И открываемый мемориальный знак – дань памяти тем людям, для которых не было ничего дороже служения науке и университету. Архитектор Г.П. Постников поблагодарил С.И. Богданова, при содействии которого осуществляется создание мемориальных зон. Сам же С.И. Богданов сказал, что место выбрано не случайно. Теперь памятный знак пострадавшим от политических репрессий являет собой третий угол треугольника, состоящего из памятника погибшим в Великой Отечественной войне и недавно открывшейся Чаши искупления. Отметил символичность памятника репрессированным, чьи судьбы и места погребения долгое время держались в тайне... История репрессированных по политическим причинам преподавателей и студентов Петербургского университета берет начало еще с XVIII в., когда ректор Миллер был обвинен в политической неверности государству за научный труд. Но пик репрессий пришелся на XX в. В начале его был арестован Щерба, были расстреляны Новицкий, Лазаревский, Гумилев. В тридцатые годы прошлого века власти создают “Академическое дело”, повлекшее многие жертвы. В сороковых годах заводится “Ленинградское дело”, с которым связаны репрессии в отношении преподавателей и профессоров почти со всех факультетов университета, в том числе ректора А.А. Вознесенского. Эти люди были вырваны из научной и преподавательской деятельности, иначе – скошены. Это объясняет название памятного знака (*Кольцова Е.*, студентка. Тирания не терпит таланта // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 26. 9 нояб.).

⁹¹ Проспект книги. Архив С. Мамоновой. Как говорила Л.Л. Эльшова, были собраны уникальные материалы. Лично она потратила много сил для их собирания. В частности, были очень интересные воспоминания Игоря Горбачева. А от публикации книги отказался, прежде всего, Л.А. Вознесенский.

⁹² *Гаврилова Г.* Он был бойцом неукротимым, страстным... // Ленинградский университет. 1988. № 10. 18 марта.

⁹³ Н.В. Розе упомянут как жертва войны, но не как жертва сталинизма: Не все дожили до Победы, но каждый приближал ее, как мог... // СПбУ. 2011. № 6. 5 мая; *Голованов Яр.* Палачи и жертвы // Огонек. М., 1992. № 1. С. 16; Экстремистская деятельность ученых. Пулковское дело. Интернет.

⁹⁴ *Эльшова Л.Л.* Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 181.

⁹⁵ *Афонская Н.Ф.* Воспоминания об Александре Алексеевиче Вознесенском. Архив С. Мамоновой.

⁹⁶ *Ганелин Р.Ш.* «Советские историки: о чем они говорили между собой». Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб., 2006. 2-ое изд. С. 50.

⁹⁷ Там же. С. 74, 75.

⁹⁸ Там же. С. 122.

⁹⁹ Там же. С. 248, 252.